ЕВГЕНИЙ СУХОВ

РУСЬ ОКАЯННАЯ

ГОСПОЖА ТРЕХ ГАРЕМОВ

Евгений Евгеньевич Сухов

Госпожа трех гаремов

Серия «Русь окаянная», книга 1

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=148061
Сухов Е. Госпожа трех гаремов: Роман: Эксмо; М.; 2005
ISBN 5-699-11152-2

Аннотация

Московская Русь XVI столетия. Необозримые просторы, дремучие леса, широкие реки. К югу, за Дикой степью, располагаются владения Крымского ханства, к востоку, за рекой Итиль, – Казанского. Десятки тысяч русских пленников, захваченных в бесчисленных опустошительных набегах, томятся в татарских застенках. И царь Иоанн Васильевич Грозный начинает подготовку к большой войне… Но пока никто в Казани не знает об этом. За высшую власть идет ожесточенная, а временами – смертельная борьба. В центре политических интриг закономерно оказывается прекрасная Сююн-Бике – женщина исключительной красоты. Ей, дочери влиятельного ногайского мурзы, самой судьбой предписано стать «госпожой трех гаремов»…

Содержание

Часть первая 5
Джигит и Бике 5
Первейшая жена 11
Сафа вспоминает 16
День отпущения грехов 21
Переписка высоких господ 23
Разговоры начистоту 32
Казань волнуется 35
Великий князь Московский 41
«На татар Идти надобно!» 44
Ханум Ковгоршад 46
Второе изгнание 54
Часть вторая 65
Курултай [23] 65
Воля господина 70
Нежданная весть 73
Плохая приметА 76
Вступление во власть 78
Мурза и князь 81
Карачи-заговорщики 84
Золотая клетка 89
Совет Чуры Нарыкова 98
Угощение Шах-Али 103

Черный евнух 110
Часть третья 113
Решения властителей 113
Поход князя Микулинского 117
Война или мир? 121
Завещание 126
Конец ознакомительного фрагмента. 141

Евгений Сухов
ГОСПОЖА ТРЕХ ГАРЕМОВ

Часть первая
ВОЗВРАЩЕНИЕ САФА-ГИРЕЯ

Джигит и Бике

Нескладным подростком рос Кучак. Тощие плечи выпирали из-под казакина [1] острыми углами, а руки, подобно плетям, висели вдоль долговязого тела. Однако в нем сразу угадывался характер настоящего джигита: юноша был таким же горячим, как июльское солнце, он не терпел насмешек и частенько наказывал обидчика плетью.

Прошло время. Кучак возмужал. Не узнать теперь в этом ладном джигите прежнего мальчонку. Аллах наделил его недюжинной силой и выносливостью. Юноша мог не сходить с коня сутками, забывая о пище и воде.

---

[1] Казакин – короткий кафтан.

Кучаку шел восемнадцатый год. Самое время присмотреть невесту. Девушки поглядывали в его сторону, а эмиры [2] из старейших родов Крымского ханства видели в молодом Кучаке подходящего жениха для своих дочерей: и знатен, и лицом пригож, и статью не обделен.

Именно в это время отец доверил Кучаку настоящее дело – поставил его во главе отряда уланов [3] сопровождать караван верблюдов с шелком и золотом, который шел из Бахчэ-Сарая ко дворцу мурзы [4] Юсуфа, самого влиятельного вельможи Ногайской Орды.

Здесь, во дворце Юсуфа, Кучак впервые повстречал Сююн-Бике. Юная дочь мурзы в окружении нянек порхала между цветущих яблонь, и он решил, что само провидение послало его сюда. Джигит старался быть всюду, где появлялась прекрасная бике [5] во дворце ногайского мурзы, на веселых степных праздниках, многошумном базаре. Кучак стал ее тенью, но красавица совсем не замечала юношу, как всадник не замечает травы, которую топчет его конь.

Есаул Мамед, один из приближенных вельмож мурзы Юсуфа, заметив восторженный взгляд крымчанина, попытался предостеречь его:

– Такого юношу, как ты, трудно не заметить, Кучак. И

---

[2] Эмир – правитель, военачальник.

[3] Уланы – здесь: конные воины с пиками.

[4] Мурза – глава рода, орды.

[5] Бике – госпожа.

юная бике спасает тебя. Всего лишь один ласковый взгляд Сююн-Бике в твою сторону может стоить тебе головы.

Кучак не догадывался о том, что девушка сама искала встречи с юным джигитом. Не однажды она порывалась отправить за ним одну из своих нянек, но всякий раз гордость оказывалась сильнее.

Как звезды встречаются с луной, так неизбежно должно было состояться свидание двух любящих сердец.

Встреча произошла в степи, когда Сююн-Бике в окружении стражников скакала на белом жеребце. Кучак возвращался из караван-сарая [6] и мысленно поблагодарил судьбу, что в этот миг оказался в степи. Сейчас Сююн-Бике показалась ему особенно красивой: длинные волосы, собранные во множество косичек, трепал ветер, а на смуглых щеках проступал румянец.

Неожиданно девушка резко осадила коня и, указав на Кучака плетью, повелела:

– Приведите его ко мне!

Дюжина стражников, подгоняя жгучими нагайками низкорослых степных лошадок, бросилась наперегонки выполнять каприз дочери мурзы Юсуфа. Кучак уже было повернул коня, но потом передумал – не подобает сыну уважаемого эмира походить на трусливого джейрана [7]. Джигиты действовали дерзко: одна пара рук ухватила под уздцы его коня,

---

[6] Караван-сарай – постоялый и торговый двор.

[7] Джейран – род газелей.

а другие уже стягивали юношу с седла.

Кучак яростно отбивался, и плетеная нагайка рассекала лица, полосовала спины, рвала одежду на стражниках мурзы Юсуфа. Казаки [8], утирая кровь с разбитых щек, все более свирепели, наконец они заломили Кучаку руки и поволокли его к Сююн-Бике.

Степная царевна сверху вниз смотрела на поверженного юношу.

– Колени преклони перед госпожой. Безумец, покажи свою покорность, – оробев, подсказывала стража.

– Развязать его! – коротко приказала юная бике.

Казаки освободили Кучака от пут и подтолкнули его к госпоже.

– А ты красив, я уже начинаю жалеть о своей предстоящей свадьбе с казанским ханом, – рассмеялась девушка, а потом, хлестнув коня, поскакала в степь, увлекая за собой покорную стражу.

Кучак рукавом казакина вытер с губы кровь. Теперь он начинал понимать, что поменял бы свободу на плен у красавицы. Вороной конь пухлыми губами уткнулся в лицо хозяина, поторапливая его домой. Когда Сююн-Бике скрыл окоем, юноша вдел ногу в стремя и легко вскочил в седло.

На следующий день у караван-сарая Кучака остановила престарелая женщина:

---

[8] Казак – здесь: наемный воин.

– Ты – Кучак?

– Да, – удивленно ответил юноша.

– Моя госпожа Сююн-Бике велела передать, что хочет встретиться с тобой и ждет тебя, юноша, после захода солнца во дворце ее отца.

– Скажи госпоже, что я буду непременно, – с трудом поверил в свое счастье юный Кучак.

Он едва дождался вечера, а когда наконец уставшее солнце отправилось за край степи на ночлег, крымчанин посмел явиться во дворец мурзы Юсуфа.

Сююн-Бике предстала перед Кучаком такой же таинственной, как наступившая ночь, и в легкой летней беседке дворца он сумел вырвать у нее тайный и оттого еще более сладостный поцелуй.

– Ты смел, – одобрила девушка.

– Твоя красота способна вдохновлять на подвиги!

– О! Ты еще и речист!

– Ты прекрасна, словно майский тюльпан, – с жаром уверял Кучак.

– Говори дальше, юноша, – прижималась Сююн-Бике к груди возлюбленного, – я хочу тебя слушать.

Кучак остался во дворце до утра…

– Поклянись, что никогда не забудешь меня, – прошептала девушка.

– Клянусь, моя госпожа, – поцеловал Кучак обнаженную ступню Сююн-Бике. – Клянусь явиться по первому твоему

зову.

– Я буду помнить эти слова, а теперь ступай.

Сююн-Бике готовилась к свадьбе.

Впереди была долгая дорога.

Кучака включили в число сопровождающих. Не придумать худшей пытки для влюбленного юноши, но желание быть рядом с обожаемой женщиной заставило его следовать за повозкой, в которой ехала будущая казанская госпожа.

Кучак весь длинный путь ехал рядом с кибиткой Сююн-Бике в надежде увидеть любимую. Но он сумел разглядеть девушку только однажды, когда она приподняла занавеску, чтобы полюбоваться закатом.

– Сююн-Бике встречает сам казанский хан, – тревожно и весело пробежало по каравану.

Джан-Али узнать было нетрудно: среди окружения он выделялся богатой одеждой и красивым оружием.

– Как ты жалок, хан, – прошептал оглан [9] Кучак, разглядывая его невысокую фигуру.

Сююн-Бике, поддерживаемая под руки мурзами, сошла на траву и по ковровой дорожке пошла навстречу будущему мужу и господину. Девушка обернулась только однажды, и ее глаза, разглядев среди многих всадников статную фигуру Кучака, увлажнились.

---

[9] Оглан – юноша, молодец.

Первейшая жена

Сююн-Бике поразило богатство города. Перед его достатком меркла Ногайская Орда, а столица ее, Сарайчик, казалась девушке теперь всего лишь небольшим улусом [10].

Джан-Али жил в каменном просторном дворце. Казанские эмиры и мурзы одевались в дорогие шелковые и парчовые одежды, щедро украшенные жемчугом и золотом. Женщины ходили в длинных платьях, усеянных бисером и золотыми монетами.

Сююн-Бике жила ныне в высоких палатах, роскошь и убранство которых уступали разве что дворцу самого султана Сулеймана. Юной бике прислуживали десятки служанок, ее желания немедленно исполнялись, как распоряжения самого хана. Она ни в чем не знала отказа: будь то красивый, расшитый золотыми нитями казакин или породистый арабский скакун.

Но сама Сююн-Бике не изменилась. Она оставалась прежней озорной девушкой и, подобно бесшабашному мальчишке, могла скакать по песчаному берегу Итили [11] на резвом аргамаке. Эти проказы красавицы вызывали улыбки простых казанцев и недоумение эмиров и мурз.

Неделю город гулял на свадьбе хана. Самый последний

---

[10] Улус – родоплеменное объединение, подвластное хану, мурзе.

[11] Итиль – Волга.

бедняк считал себя сопричастным к радости молодых. Потчевали даже узников, томившихся в зиндане [12]. И во всем ханстве на время свадьбы были прекращены раздоры между эмирами.

На следующий день после праздника из Московского государства прибыл гонец и привез грамоту от великого князя Ивана Васильевича. В этот раз она отличалась немногословностью: «Рад за тебя, брат мой, царь казанский Джан-Али. Слыхал, что супруга досталась славная. Надеюсь, что ничто не сможет омрачить нашей дружбы. Правь на земле Казанской вольно, как некогда правил в городе Касимове. А еще, брат мой, хочу тебе посоветовать держаться подалее от Крыма. Ибо эти ироды земли наши разоряют и много люда русского в полон берут, а потом торгуют им в городах своих, словно скотом бессловесным. А наша дружба не будет тленной и укрепит камень. Кланяюсь на том».

Джан-Али ответил на грамоту в тот же вечер:

«Здравым будь, брат мой, великий князь и государь всея Руси Иван Васильевич. Ласку твою, когда сидел на столе в Касимове, я не позабыл и землей Казанской управлять намерен так, как ты мне наказывал. Жену, по совету твоему, взял из Ногайской Орды. И пусть наше братство станет на том еще крепче. Еще тебе хочу сказать, что повезло мне с женой: телом прекрасна и умна. А на том кланяюсь тебе, брат мой. Хвала Аллаху!»

---

[12] Зиндан – тюрьма.

Отряд Сафа-Гирея находился в ста верстах от Казани.

Выгнанный отовсюду и преследуемый братьями, Сафа-Гирей решил искать спасения в Казанском ханстве, которым когда-то правил.

Не задалось тогда его ханствование, он был изгнан, и, казалось, обратная дорога заросла сорной травой, но казанцы, позабыв былую немилость, восторженно встретили его у стен кремля.

Молодой Джан-Али встретил Сафа-Гирея, как доброго гостя. Парной бараниной было накормлено все его немногочисленное воинство. Лошади в конюшне стояли напоены и сыты. Сам же Сафа-Гирей, утомленный от перепалок со старшими братьями и усталый после долгого перехода, нашел приют на огромных подушках в опочивальне самого хана.

– Наложницу для почтенного гостя, – раздался в женской половине голос черного евнуха, и в покои Сафа-Гирея слуги ввели юную прелестницу.

А уже утром, усталый от любви, разнеженный мягкими пуховыми подушками, гость завел нехитрый разговор с семнадцатилетним казанским ханом:

– Спасибо тебе, брат мой Джан-Али. Уже две недели мои люди не знают покоя, а кони отвыкли от сытного корма. Я должник твой и призываю Аллаха в свидетели.

Джан-Али, как и подобает радушному хозяину, из кувши-

на налил гостю густого пенящегося кумыса.

– Мы с тобой друзья и должны помогать друг другу.

Сафа-Гирей сделал несколько глотков и почувствовал, как острый кумыс вскружил голову.

– Ты мне ближе, чем друг, ты мне брат! Я вынужден был покинуть Крым, чтобы спасти свою жизнь от сородичей. Каждый из них желает увидеть мою кровь!

– Здесь ты в полной безопасности, и мои слуги будут выполнять твою волю, как мою собственную, – пообещал Джан-Али.

В тот день казанский хан был по-особенному весел: шутил, смеялся; музыкой и красотой наложниц старался развеселить гостя, отвлечь от невеселых мыслей. Но Сафа-Гирей все более мрачнел, все чаще отмалчивался, и невозможно было догадаться, что пряталось в его душе. Джан-Али более не мучил гостя расспросами и отнес его настроение на счет неудач, которые щедро сыпались на него в последний год.

А Сафа-Гирей решал трудную задачу – как отблагодарить хана за радушие и гостеприимство. И только однажды он улыбнулся, не пряча красивых белых зубов, – когда дверь бесшумно приоткрылась и в комнату вошла Сююн-Бике. Она подняла руку, прикрыв лицо от жадного взгляда постороннего мужчины, и спросила у мужа:

– Ты звал меня, господин?

– Звал, – и, повернувшись к Сафа-Гирею, хан произнес: –

Это моя жена. А теперь ступай, Сююн-Бике.

Женщина низко поклонилась и, пятясь, вышла за дверь.

– Она твоя первейшая жена? – спросил Сафа-Гирей, когда ханум ушла на женскую половину.

– Да, – безразличным тоном ответил Джан-Али.

Он уже не чувствовал былого любовного трепета, а на место прежних сладких переживаний пришли раздражение и досада. Брак с дочерью влиятельного мурзы закреплял союз с Ногайской Ордой. И только.

– У тебя красивая бике, – не сумел скрыть своего восхищения Сафа-Гирей.

Джан-Али только пожал плечами:

– Ты говоришь это всерьез, мой уважаемый гость?

Весь оставшийся вечер Сафа-Гирей с нетерпением дожидался утра. Изгнанник без конца вспоминал красивую женщину с тонкими изогнутыми бровями и с темными, словно глубокое лесное озеро, глазами. Первейшая жена Джан-Али…

Сафа вспоминает

Сафа-Гирей помнил эти покои с детства. Разве не он, будучи тринадцатилетним ханом, властвовал в этом самом дворце?! Разве не по его хлопку вбегала в комнату стража, чтобы исполнить любой из его капризов?

Но сегодня он здесь гость.

Сафа-Гирей осторожно взял со стола золоченый подсвечник в виде змея, извергающего пламя, и осветил комнату. Стены были выложены черным мрамором, на котором тоненькими ручейками разбегались прожилки кальцита; на колонне замысловатые арабские вензеля. Это была любимая комната первого казанского хана Улу-Мухаммеда. Здесь ничто не изменилось со времени его правления, разве только убранство стало побогаче – всюду персидские ковры и золотые сосуды. Видно, любит Джан-Али окружать себя роскошью. И жена хороша!

Сафа-Гирей вспомнил свой первый приезд в Казань. Никогда не думал связывать свою судьбу с этим городом – он был рожден в Бахчэ-Сарае и видел себя только крымским ханом, однако Аллах распорядился по-иному.

Сафа-Гирей будто снова услышал протяжные звуки фанфар, пение труб, когда их кибитка, раскачиваясь из стороны в сторону, подъезжала к стенам Казани.

Сидевший рядом Сагиб-Гирей уныло усмехнулся:

– Они думают, что приветствуют меня… будущего казанского хана… Как они ошибаются. Это казанцы встречают тебя, Сафа, – повернулся он к племяннику. – Я возвращаюсь обратно в Крым. Вчера я получил послание… Аллаху угодно, чтобы я возвратился в Бахчэ-Сарай ханом. Ты же останешься здесь ханом казанским!

– Но мне только тринадцать лет, – несмело возражал юноша.

– Самое время, чтобы начинать большие дела. Мне уже не успеть. Я слишком стар.

Так Сафа-Гирей стал казанским ханом.

Быстро взрослел – вместе с невзгодами, которые тотчас обрушились на него, едва примерил он ханскую шапку…

К стенам города, преодолев весеннюю распутицу, подступило воинство великого Московского князя Василия Ивановича. Полк левой руки в нем возглавлял претендент на казанский престол Шах-Али.

Ночь была тревожной. Каменные снаряды ухали, разбивая в щепы дубовые стены кремля. В ту ночь юный хан решил сам возглавить воинство.

– Пусть к крыльцу подведут моего скакуна. Я сам поеду встречать гяуров! [13]

Бой был коротким, яростным и победным. Крики «Алла!» будоражили лесную тишь. Над деревьями, недовольно крича, разлетались разбуженные птицы. Сафа-Гирей воз-

[13] Гяур – у исповедующих ислам название всех немусульман.

вращался в Казань победителем. Но как же случилось, что он потерял власть? Неужели эта ноша оказалась не для его плеч? Нет! Видно, здесь нечто другое. Тогда он был молод и доверял льстивым словам окружавших его эмиров и мурз, которые только и ждали, чтобы на казанский престол взошел его заклятый враг Шах-Али. А этот урусский посол Федор Карпов, что назвался его другом? Он занимался тем, что переманивал в лагерь князя Василия виднейших вельмож!.. Предавшие его эмиры заручились помощью могущественной Ковгоршад, которая люто ненавидела всю династию Гиреев. Вот тогда юный хан по-настоящему осознал, что кольцо ненависти вокруг него сжимается, подобно упругой пружине.

Преданный Сафа-Гирею черный евнух пришел в его покои. Он упал на колени и, ухватившись цепкими пальцами за полы ханского кафтана, горячо зашептал:

– Хан! Против тебя зреет заговор! Я знаю их планы, они считают меня своим человеком! Нечестивцы хотят согнать тебя с престола, а на твое место посадить Шах-Али. Их много! А во главе заговора Ковгоршад. Только прикажи – и я вырежу всех твоих врагов. Всех до единого! Они умрут этой же ночью. Первым умрет урусский посол.

– Нет! – возражал Сафа. – Я казню их сам. Но сначала я объявлю о своем решении народу!

– Хан мой, ты поступаешь неблагоразумно! Неужели ты не видишь, что вокруг тебя враги?!

Сафа-Гирей оставался непреклонен:

– Прежде чем я казню предателей эмиров, народ должен узнать волю самого хана!

Черный евнух развел руками:

– Завтра может быть поздно.

Ровно в полдень была объявлена воля хана. «Эмиры Булат, Чапкун Девлет, Мухаммед, мурзы Эмин, Али, Мелик, Тагир… по велению казанского хана приговариваются к смерти за измену верховной власти, за преступления против Аллаха и веры…»

Вестник ханской воли читал торжественно, только иногда отрывал глаза от бумаги, чтобы посмотреть на перепуганные лица горожан. «Даже Улу-Мухаммед не смел пойти против своих эмиров, – читал он в их глазах. – А этот мальчишка? Не много ли он себе позволяет?!»

А когда наконец воля хана была объявлена и стража с площади разбрелась по улицам, чтобы наказать непокорных карачей [14], ко дворцу, беспрепятственно минуя охрану, подошел Булат Ширин. Его род принадлежал к высшей знати Казанского ханства.

– Где этот мальчишка?! Пусть выйдет сюда, я выстегаю его розгами, если больше уже некому проучить его! Появись передо мной, если ты не трус!

Ворота дворца распахнулись, и в сопровождении евнуха во двор спустился казанский хан. И вот они встретились –

[14] Карачи – сановники.

доверчивая молодость и закаленная в дворцовых интригах зрелость.

Зрелость улыбнулась:

– Ты не трус… Что ж, я сохраню тебе за это жизнь! Не хочу проливать даже каплю чингизидовой крови! А ты, – ткнул он пальцем в грудь евнуха, – умри!

И тотчас к черному евнуху подбежала дворцовая стража, и через секунду его курчавая с сединой голова покатилась по желтому песку.

Воспоминания не прибавили радости: слишком много хану пришлось пережить в юности. И вот теперь Сафа-Гирей вернулся в Казань.

День отпущения грехов

Под утро, когда город еще пребывал в грезах, дворец был разбужен коротким воплем. Воздух резанула тонкая упругая сталь, и в полутемных длинных коридорах ханского дворца вновь установилась тишина. Никому и в голову не пришло, что это умирал десятник дворцовой стражи.

– Кто смеет беспокоить хана и моего гостя?! – раздался грозный оклик Джан-Али.

– Успокойся, любезный, это я, – произнес Сафа-Гирей как можно мягче. – Лучше отведай вот этого кумыса, – предложил он Джан-Али глубокую пиалу.

Хан посмотрел на своего гостя. Почему он боится Сафа-Гирея? Ведь тот всего лишь изгой.

Джан-Али улыбнулся и, взяв пиалу, небольшими глотками стал пить терпкий напиток. Кумыс теплой волной расходился по всему телу. Джан-Али прикрыл глаза, в тот же миг тонко просвистела булатная сталь и обезглавленное тело казанского хана рухнуло на пол, обильно заливая кровью дорогие персидские ковры – подарок турецкого султана.

– Приказ султана Сулеймана исполнен, – сказал Сафа-Гирей вошедшим янычарам, – и пускай посланники ханской воли объявят народу, что в Казани новый господин – Сафа-Гирей. Надеюсь, что народ еще не позабыл меня.

Стража поклонилась и, пятясь, вышла.

Хан посмотрел на голову Джан-Али и широкой пятерней сгреб волосы бывшего правителя. Голова полетела в угол. Раздался глухой стук.

Проснулся он с легкой совестью. Наступил праздник Рамазан, в этот день отпускаются грехи. А стало быть, Всевышний простил ему убиенного Джан-Али.

Сафа-Гирей вышел в город после утренней молитвы. О новом хане уже знала вся Казань. Первыми свое почтение Сафа-Гирею выразили эмиры, дружной толпой они подошли к нему и поприветствовали:

– Во имя Аллаха, милостивого, милосердного, будь же ханом на земле Казанской и правь щедро и счастливо!

– Я принимаю вашу волю, народ казанский, – милостиво согласился новый властелин.

Со своим утверждением на ханство Сафа-Гирей тянуть не стал. В тот же вечер по древней традиции казанских ханов его пронесли на большом ковре по кругу в соборной мечети, после чего сеид [15] произнес молитву, и Сафа-Гирей стал править.

– Да одобрит Аллах старания наши во имя его! – поздравляли правоверные друг друга с новым ханом и с великим Рамазаном.

---

[15] Сеид – почетный титул мусульман, возводящих свою родословную к пророку Мухаммеду; здесь – глава местного духовенства.

Переписка высоких господ

Мурза Юсуф не находил себе покоя. Все его мысли были о Сююн-Бике, которая посылала отцу из Казани письма, полные жалоб.

– Она много плачет, – говорил его посол в Казанском ханстве. – А еще она закрывается в своих покоях и никуда не желает выходить. Джан-Али, зять твой, все больше балует и ласкает новых жен и молодых наложниц. Из Кафы ему с каждым караваном привозят юных девственниц. Он совсем забыл нашу Сююн-Бике, его уже не прельщают ее красота и молодость.

Юсуф все больше хмурился, выслушивая посла. Разве такой участи желал он для своей любимицы?

– Он не любит мою дочь, – объявил наконец мурза. – А значит, не уважает и меня. А вместе со мной и всю Ногайскую Орду! Я соберу войско и пойду на этого мальчишку войной! Он навсегда запомнит, кто такой ногайский мурза Юсуф.

Но, подумав и поостыв, Юсуф отправил осторожное письмо мужу своей дочери: «Брат мой и зять Джан-Али, казанский хан, слышал я от людей своих, что дочь мою ты не чтишь, не ласкаешь и относишься к ней хуже, чем к остальным женам. Она все больше одна, сидит в тоске, запершись в своих покоях. Прошу тебя: люби ее крепко, и тогда будет

всегда мир между нашими народами. Слава Всевышнему!»

А в Москву хитрый мурза Юсуф отослал другое письмо: «Брат мой Иван Васильевич! Джан-Али – враг Руси. Темное дело против твоих земель затевает. Известно мне от моих верных людей, что коварен он и душой нечист. Держался бы ты с ним построже. Ты бы с Казанского ханства призвал его к себе и отправил в Касимов».

Письмо мурзы Юсуфа застало Ивана Федоровича Овчину в Боярской думе. Думный дьяк [16] с почтением протянул ему послание и молча ждал распоряжений.

– Пшел отсюда, дурак! – коротко распорядился Овчина и, сверкнув глазами на притихших бояр, сорвал огромную печать с бегущим волком и углубился в чтение. «Темнит татарин. Видно, дело какое надумал. Никогда не знаешь, чего и ждать от него».

Иван Федорович после смерти великого князя Василия Ивановича сделался полноправным хозяином во дворце. Уже и не любимец государя, а сам государь! Даже Шуйские до земли ломали перед ним шапку из боязни нажить опасного врага. Но Овчине оказалось этого мало.

– Был бы познатнее, может, и на великокняжеское место бы сподобился, – часто сокрушался он. – А так что? Хахаль государыни! Баба-то она ничего, крепка! И влюбчива шибко! Вот ежели бы дите получилось, быть может, тогда и цер-

[16] Думный дьяк – 4-й (низший) чин Боярской думы.

ковь на брак благословила! А так?..

Думал ли Иван Федорович, что так близко подле трона сидеть доведется? Полагал ли, что грамоты иноземных государей читать будет? А сама великая княгиня с него сапоги стаскивать станет?

Бояре молча ждали, когда Овчина оторвется от письма. А он, оглядев думское собрание и едва задержав взгляд на государыне, сидевшей подле малолетнего сына, заговорил:

– Пиши, дьяк, грамоту ногайскому мурзе Юсуфу… «Брат мой… Джан-Али нами любим, я ему доверяю, а людям своим не верь, ибо язык их поганый лжет!»

Иван Васильевич, трехлетний великий князь и государь всея Руси, на высоком престоле восседал в Боярской думе. В палатах было душно, и самодержец заскучал и запросился к матери на колени. Устыдил его дядя, князь Андрей:

– Не положено великому государю дела важные бросать, ты бы уж досидел с нами, Иван Васильевич. Письмо мы татарам в Ногаи пишем.

Государь перестал хныкать и, набравшись терпения, добросовестно отсидел в жаркой палате еще часа два.

Мурза Юсуф на том не успокоился, постарался чем мог облегчить участь дочери: через верных ему людей подстрекал казанцев избавиться от нежелательного хана, а Сююн-Бике предлагал вернуться в Ногаи. Бике отвечала отцу отказом, письма ее всегда были коротки: «Моя судьба – судь-

ба мужа! Если мне плохо, значит, так угодно Всевышнему!»

И вдруг из Казани пришла весть – ставленник великого князя Василия, Джан-Али, убит, тамошние русские купцы – кто погублен, кто ограблен.

Иван Овчина, обратив взор на непокорного восточного соседа, слал в Казань сердитые письма: «Пишет тебе великий князь и государь всея Руси Иван Четвертый Васильевич. Ты почто убил брата моего царя казанского Джан-Али?! Почто побил до смерти купцов русских, торгующих рыбой, суконом да мехами?! А посла нашего боярина Морозова в темнице держишь?! И почему без дозволения моего на казанский престол сел и миру нашему урон наносишь?! Сказано тебе было, что Казань есть земля Русская!»

Рассерженный Сафа-Гирей топтал грамоту ногами, гонцов отправлял в зиндан и тут же слал московскому государю ответ: «Никогда не была Казань улусом урусским. Сами казанцы своей землей правили и далее править будут! А первым казанским ханом был Улу-Мухаммед. А купцов твоих я по делу наказал – пусть не ступают на земли казанские без соизволения нашего!»

Ночью обезглавили русского посла Морозова. Голова была насажена на кол, а курчавую, некогда ухоженную бороду во все стороны лохматил ветер.

Оставив на время ливонские дела, Иван Овчина стал спешно собирать полки для похода на непокорные татаровы земли.

А Сафа-Гирей уже пересек границы русских владений, с немногим воинством дошел до Нижнего Новгорода. Полон оказался богатый – в Казань уводили красивых девушек, которые скоро должны были пополнить гаремы эмиров. Понукаемые нагайками, оставляли свои села крепкие отроки, за которых в Кафе давали хорошие деньги.

После побега Сафа-Гирей на время затаился, спрятав свое воинство за дубовыми стенами Казани. Под угрозой ответного выпада со стороны московского государя хан слал послов в Крым и Ногаи. Он призывал к объединению, чтобы пройтись по урусским землям новым, всепожирающим пламенем. Крымский хан Сагиб-Гирей ответил согласием на призыв племянника и поспешил отправить гонцов в Порту, чтобы заручиться поддержкой самого султана. Ногайский мурза Юсуф помалкивал. Старик не мог простить самозваному хану убийства своего зятя. Да и не те времена, чтобы ссориться с сильным северным соседом.

Тогда Сафа-Гирей отправил к Юсуфу Булата Ширина.

– Скажи ему, – наказывал хан своему эмиру, – что целу́ю ступню его и прошу прощения за убитого зятя. А дочь его Сююн-Бике стала моей старшей женой.

Виднейший ногайский мурза развлекал себя соколиной охотой. Он наблюдал, как сокол взмыл вверх и, едва качая крыльями, совершил круг, высматривая дичь. А потом, сложив крылья, пернатый хищник рухнул с высоты в бездну. И

когда до земли оставался только миг, чтобы разбиться о каменную твердь, он расправил крылья и вонзил когти в серую шею рябчика.

Юсуф остался доволен. Любимый сокол порадовал его сполна. Эту птицу он назвал ханом Иваном.

«Вот так приручить бы и настоящего хана Ивана, чтобы сидел он у меня на руке и по малейшему движению пальца кидался на врагов».

– О, могущественнейший из смертных, – оторвал его от мыслей государственной важности вкрадчивый голос эмира Булата, – казанский хан повелел поклониться тебе до земли и передать вот это послание.

Эмир задержал поклон и передал мурзе письмо.

– Читай! – коротко распорядился Юсуф.

– «…Урусский государь слаб, он ведет войну с Ливонией и давно забыл о своих восточных границах. Настало время, чтобы нам объединиться и дойти до самой Москвы! И пускай урусы платят нам дань, как это было при славном Улу-Мухаммеде!»

Юсуф слушал внимательно. Письмо выдержано в уважительных тонах, и если бы не знать, что оно от человека, который убил его зятя, то можно было бы подумать, что послание написано другом.

– Значит, ты говоришь, что Сафа сделал Сююн-Бике старшей женой? – размяк малость мурза.

– Да, великий. Он обожает твою дочь.

Никогда и никого Юсуф не любил так нежно, как свою младшую, Сююн-Бике.

– Хорошо… письмо в ответ я писать не стану. Передай ему на словах, что вижу в нем брата. Все!

– А как же помощь, могущественнейший из смертных? – осмелился спросить Булат.

– Помощь? Аллах поможет!

В Москву мурза послал гонцов с заверениями в вечной дружбе и в готовности оказать разумную помощь против самозваного казанского хана.

– Хитер Юсуф, ой как хитер, – рассуждал Сафа-Гирей. – Пусть будет так! Лучше худой мир, чем добрая ссора!

В это же время в Казань из Турции прибыли послы. Сулейман Законодатель предлагал свою помощь в борьбе с неверными. «Но Казань должна быть включена в состав Османской империи!» – потребовал он.

– Лучше далекая Турция, чем близкая Москва, – решил Сафа-Гирей и принял турецких послов не как господин, а как подданный. – Видно, так угодно Аллаху, чтобы Казань стала улусом Турции.

Турецкий посол, бывший янычар, а теперь доверенное лицо султана, согласно закивал головой:

– Разве московскому царю тягаться в могуществе с самим Сулейманом Кануни?!

А в пятницу, во время хутбы [17], муллы поминали в своих проповедях нового господина Казанского ханства.

Месяцем позже из Османской империи прибыл большой отряд янычар и под победные звуки фанфар вошел через Ханские ворота в город. Далекие волжские земли были присоединены к владениям турецкого султана.

Сулейман Великолепный отписал в Москву сердитое письмо самодержцу Ивану Четвертому Васильевичу, в котором требовал оставить земли татарские. «Ибо, – гласило послание, – Казань есть улус Османской империи, и если ты надумаешь на него войной пойти, станешь и нашим врагом!»

Князь Овчина еще раз перечитал письмецо и, посмотрев на дьяка, правившего гусиное перо, твердым голосом произнес:

– «Сулейману Великолепному, брату моему…» – Подумав, Иван Федорович сказал: – Нет, брата вычеркни…

Дьяк макнул остро отточенное гусиное перо в чернильницу и густо замазал слово «брат».

– «…Никогда Казань не была улусом турецким, – продолжал Овчина, – и не будет им и впредь! А была всегда Казань улусом Русского государства. Тому и быть! Ханы казанские у великого князя и самодержца всея Руси всегда соизволения спрашивали, прежде чем на царствие сесть, а потому не думай о казанских землях и помышлять…» Передай это по-

[17] Хутба – пятничная проповедь.

слу турецкому… Видеть не хочу его рожу! И пускай едет в свою Османию, а то ненароком и передумать могу. Давно у нас палачи без работы стынут.

Думный дьяк вручил послание турецкому послу. А тот, спрятав грамоту за пазуху, не знал, что увозит из Москвы незавидную судьбу.

Разговоры начистоту

Сафа-Гирей пожелал увидеть Сююн-Бике только через месяц после смерти Джан-Али. Первейшая жена вошла в покои хана в дорогих шелках, украшенных золотом и жемчугом.

– Садись рядом, – ласково попросил хан.

Женщина покорно опустилась на край широкого ложа. Она не смела поднять глаза на своего повелителя, и длинные ресницы закрывали половину лица.

– Любила ли ты Джан-Али? – попытался вызвать Сафа-Гирей первейшую жену на откровенный разговор. – Этот вопрос важен для меня как для мужчины… Лишь только потом я твой господин.

Сююн-Бике посмотрела на хана: глаза слегка раскосые, волосы густые и черные, только у левого виска осторожно вкралась небольшая прядь седых волос. Сююн-Бике вдруг почувствовала в себе что-то новое, ей захотелось коснуться этой белой отметины. Она даже подняла руку, но вовремя остановилась. «Как он красив! Счастливы женщины, которых он любит… Хан меня сделал старшей женой, а я еще ни разу не принадлежала ему».

Сафа-Гирей скинул с себя халат и лег поверх мягких покрывал. Широкая грудь хана была обнажена, на ней, у самого сердца, на золотой цепочке застыл огромный изумруд. Сафа

поймал взгляд Сююн-Бике и понял его по-своему. Он снял с себя изящную вещицу и протянул женщине:

– Это мой подарок тебе. Так где же твой ответ?

– Я не любила Джан-Али, – просто произнесла Сююн-Бике. – Он был моим мужем только первую неделю, потом охладел к моему телу и женился еще два раза.

– Говорят, он просто боялся твоей красоты. Слишком ничтожен был Джан-Али в сравнении с тобой!

Сафа-Гирей коснулся пальцами плеча Сююн-Бике. Она потянулась к нему всем телом. Сафа гладил ее волосы, ласкал губами лицо, плечи, грудь… Женщина отвечала такой же обжигающей лаской, а потом их тела слились воедино…

До Сююн-Бике первейшей женой Сафа-Гирея была Манум – из знатного и влиятельного рода Ширии. Она гордилась тем, что вела свою родословную от Батыя: голову носила высоко и держалась высокомерно даже с сестрами – младшими женами Сафа-Гирея. Все знали, что в случае смерти нынешнего хана старший ее сын Булюк должен унаследовать казанский престол. Но теперь для мурз и эмиров Манум перестала существовать, все их внимание было перенесено на любимую жену хана. А Сююн-Бике уже распоряжалась во дворце по праву бывшей и настоящей хозяйки. Остальные жены завистливо смотрели ей вслед и зло переговаривались на женской половине:

– Она завладела сердцем нашего повелителя. Видно, Сю-

юн-Бике поит его каким-то зельем, а иначе почему он забыл других жен?! Сафа-Гирей охладел к наложницам, не желает смотреть их танцы, а все свое время проводит в обществе Сююн-Бике.

– Она хочет родить сына и сделать его наследником казанского хана? О Аллах, покарай эту бесстыжую! – молилась Манум. – Аллах, сделай так, чтобы я увидела своего сына Булюка казанским повелителем.

Казань волнуется

Шло время. Казань укрепляла свои западные границы. Осторожнее к восточному соседу стала относиться великокняжеская Русь. А в Казань, в услужение к Сафа-Гирею, из Крыма потянулись его близкие и дальние родственники.

Казанцы теперь не без печали вспоминали Джан-Али. Он был молод, доверчив и неопытен, но из него мог бы получиться хороший хан. О нем сожалели, печалились и тайком поминали в молитвах. Сафа-Гирей приблизил к себе выходцев из Крыма, которые оттеснили здешних эмиров и мурз. Даже казанские карачи не пользовались таким влиянием, какое имели вновь прибывшие из Крыма худородные огланы.

Крымчане держались особняком, сторонились казанских карачей и недальновидно пренебрегали их дружбой. Казанцы платили им тем же и вели с ними скрытую борьбу, стараясь заполучить расположение Сафа-Гирея. Крымские эмиры нашептывали казанскому хану о предательстве карачей. Жалобы падали на благодатную почву. Сафа-Гирей не мог забыть пережитого позора, когда он был изгнан из Казанского ханства. И вот сейчас, утвердившись на престоле, Сафа пестовал старую обиду.

– Они предали меня один раз, предадут и второй… – сказал как-то хан и стал долго перечислять своих недругов, стараясь не пропустить никого. Среди этого множества имен

были знатные эмиры, карачи, уланы [18], муллы. Иногда он замолкал, потом вспоминал кого-нибудь еще, и список его пополнялся новыми именами. – Все они на рассвете должны умереть. И созвать весь народ, пускай он посмотрит на казнь вероотступников!

Стоявший рядом с ханом мурза Фараби попытался возразить:

– А не слишком ли велик список?

Хан посмотрел на него и объявил:

– Запишите еще в этот список и мурзу Фараби.

Тот приложил руки к груди и изрек:

– Я умру за тебя с радостью, великий хан!

В ту же ночь все «неверные» были схвачены и брошены в зинданы. А Сафа-Гирей вышел к подданным на площадь и заговорил, подогревая толпу словами из Вечной книги:

– Все, что я делаю, идет от воли Аллаха! Хвала Аллаху, господу миров, милостивому, милосердному, властелину в Судный день! Тебе мы поклоняемся и просим помочь! Веди нас по дороге прямой, по дороге тех, кого ты облагодетельствовал. На тех, которые находятся под гневом, и на заблудших!..

Рассерженная толпа с криками «Аллах акбар!» растеклась по узким улочкам города. И полилась кровь.

Ковгоршад закрылась в своих покоях и, воздавая хвалу Всевышнему, просила, чтобы беда обошла стороной. Са-

[18] Уланы – здесь: татарская знать.

фа-Гирей так и не отважился предать смерти старейшую бике.

Утром следующего дня Ковгоршад отписала в Москву послание «брату своему и господину» Ивану Четвертому Васильевичу. «Казанский хан Сафа-Гирей все более свирепствует, – писала бике, – правоверных и неверных хватает без разбору и много! Мурз знатных и людей простых. Среди прочего народа много и твоих верных слуг».

А во дворе ханского дворца шли приготовления к казни. Ковгоршад прильнула лицом к окну. Внизу толпился народ. Казнь затягивалась. Солнце стояло высоко и палило нещадно. Палачи о длинные кожаные ремни правили узкие сабли. Среди обреченных бике рассмотрела и Махмуда. Он держался спокойно и, казалось, не страшился близкой смерти.

Ковгоршад застонала от боли:

– Они хотят расправиться со мной, казнив Махмуда.

Он рос при дворце Ковгоршад, находился в услужении у хана и был одним из немногих доверенных лиц бике. Но прошел не один год, прежде чем немолодая уже госпожа обратила внимание на робкого подростка. Он опускал свои большие карие глаза, когда Ковгоршад останавливала его посреди двора, и отвечал застенчиво:

– Слушаю, бике.

Только много позже она поняла, что за внешней робостью прятался далеко не юноша. А любовь его к Ковгоршад была

так же горяча, как пар из кипящего казана.

Через час, по ленивому движению руки Сафа-Гирея, палачи рубили головы казанским эмирам, которые тут же насаживали на колья и показывали собравшейся толпе.

Махмуда казнили последним. Палач, словно раздумывая, закрыл глаза и помолился Аллаху. Вороненая сталь заиграла на солнце тонкими бликами. А потом палач с размаху опустил клинок…

Ковгоршад закрыла ладонями глаза.

– Не прощу! – Из ее груди вырвался стон. – Не прощу!

В одну из глухих ночей сторонники Ковгоршад собрались в ее дворце. Первой решила высказаться сама бике.

– Сафа-Гирей не простил своего прежнего изгнания и мстит за это казанцам. Из Крыма он призвал родственников, которых возвысил над нами. Они бесчинствуют и грабят наш народ. Он считает Казань своим улусом. Его действия не угодны Аллаху. Он должен заплатить за смерть казанцев!

Мурзы одобрительно кивали. Бике права во всем. Слишком часто в Казани льется кровь безвинных. Хан чересчур дерзок. Он не признает над собой суда и вольно распоряжается судьбами и даже жизнями эмиров. А земли убитых сановников хан забирает себе в казну и раздает мурзам из Крыма. Младшие сыновья эмиров по его воле делаются нищими. Нет уверенности в том, что завтра кто-нибудь из присутствующих не отправится вслед за казненными…

– Эти Гиреи ведут себя на земле Казанской так, словно они являются истинными хозяевами ханства! Сегодня они уничтожили наших друзей, завтра уничтожат нас! – страстно продолжала Ковгоршад. – Мы не можем и не должны смириться с засильем Гиреев. Нужно скинуть с себя это ярмо, только тогда мы сможем вздохнуть свободно, только тогда наш народ почувствует облегчение.

– Но что ты предлагаешь, дорогая бике? – спросил эмир Чура Нарыков.

– Я предлагаю обратиться за помощью к западным соседям, к московскому властелину Ивану.

– Из одной кабалы в другую, уважаемая бике? – произнес Булат Ширин. Потом, подумав, добавил: – Впрочем, у нас просто нет другого выхода, надо просить помощи у урусского хана.

– Я уже написала ему и получила ответ, – сказала Ковгоршад. – В послании он назвал меня своей сестрой и ответил, что сможет помочь и оружием, и войском, если мы сами начнем сгонять Сафа-Гирея с ханства.

– Твоей мудрости, бике, нет предела, – вздохнул Чура Нарыков, – но кто станет на ханство после Сафа-Гирея? Не стало бы еще хуже!

– Пусть же будет на казанском престоле с разрешения московского государя наш бывший хан Шах-Али. А там Аллах подскажет нам, как быть дальше.

Казни действительно продолжались. «Вероотступникам» рубили головы еще целую неделю. Казанцы, устав от крови и страшного зрелища, уже не желали идти к ханскому дворцу, где на кольях, в назидание другим, торчали головы казненных.

Крымский отряд – личное воинство Сафа-Гирея – обходил дома горожан и силой вытаскивал их на площадь. Глашатай забирался на высокий дощатый помост, еще не успевший просохнуть от крови, и выкрикивал волю всемогущего хана:

– Так будет с каждым, кто посмеет пойти против Сафа-Гирея. Казанцы, правоверные, посмотрите вокруг! Нет ли среди вас того, кто возводит крамолу и хулу на великого хана?! Скажите нам, и тем вы поможете делу пророка!

Собравшиеся помалкивали и желали одного – быстрейшего завершения казни, чтобы разойтись по домам и задобрить Аллаха долгой молитвой. А оставшиеся в живых эмиры давали себе клятву, что покинут жестокую Казань.

Под покровом ночи карачи оставляли земли предков и, полагаясь на помощь Всевышнего и расположение великого князя и самодержца всея Руси Ивана Васильевича, ехали в Русское государство.

Великий князь Московский

В последний год своего правления великая московская княгиня Елена Глинская сильно хворала. Часто ездила на богомолье в монастыри, но болезнь не отступала.

– За грехи, видно, Бог меня карает, – вздыхала великая княгиня, – видно, теперь уже не замолить их. Мало мне этой жизни осталось…

Скоро Елена Васильевна и вправду тихо почила, оставив на попечение боярам малолетнего сына. По Москве упорно ходил слух, что государыня была отравлена.

– Вот и мучилась она все это время, бедняжка, – жалел ее простой люд.

По сердцу приходился людям ее незлобивый нрав, да и щедра была милостыня, раздаваемая ею на Пасху. Бояре же, наоборот, встретили смерть великой княгини как избавление, говорили о ней худые слова, не стесняясь даже присутствия малолетнего государя.

Умер в заточении и прежний всесильный правитель Руси князь Иван Овчина, и приблизились к трону другие бояре.

– Ты Шуйских держись, – поучал самодержца старший из братьев Шуйских Василий. – Мы тебя в обиду не дадим.

Иван Васильевич помалкивал, но все более тяготился боярской дружбой, а когда его ненароком обидел младший из братьев Шуйских – Андрей, он натравил на боярина псарей,

которые лихо метелили его ногами, пока из горла у князя не пошла кровь.

– Убили? – в страхе отшатнулись псари и с надеждой поглядели на малолетнего самодержца: государь-то с ними? Не оставит своих холопов в беде?

Иван Васильевич и сам поначалу оробел. Где это видано, чтобы боярина насмерть забивать? Да на людях! А потом махнул рукой:

– Пусть так и будет…

Великий князь Иван рос непослушным да озороватым. Все ему сходило с рук. То и понятно – кто же посмеет государя наказывать. Да и памятен был случай с боярином Андреем. И государь все более своевольничал: в праздники вместе с детьми знатнейших бояр давил на базарах конями зазевавшийся люд.

Любил Иван Васильевич и кулачные бои. Немногие могли устоять супротив подростка-самодержца. Хоть летами молод, а кулаком разил наповал.

Наконец строгую опеку над Иваном установил митрополит Макарий, который научил его проводить долгое время в молениях и слушать песнопения. А как только государю исполнилось пятнадцать лет, дал благословение на брак.

– Авось с женитьбой дурь-то и пройдет, – говорил митрополит, – да и сам ты хозяином на Руси будешь. Без оглядки на бояр править начнешь.

Иван Васильевич так и сделал, скоро женившись на

скромной девице Анастасии Романовне Захарьиной. Но дела государевы его по-прежнему интересовали мало.

А митрополит Макарий все вздыхал:

– Видать, женитьба государю впрок не пошла, – и уже с надеждой: – Ничего, подрастет, благоразумнее станет!

«На татар Идти надобно!»

На татаровом подворье [19], близ дворца, все чаще останавливались мурзы. Приезжали просить защиту и опеку от казанского хана Сафа-Гирея. Митрополит Макарий раздоры между казанцами счел признаком хорошим.

– Только для начала города надо ставить около земель татарских, – поучал Макарий молодого государя, – как при отце твоем Василии было и при матушке Елене, царствие им небесное… А в них монастыри должны стоять, дабы служили они оплотом веры Христовой и были стражами для земли Русской от басурман и язычников. А пришедших татар ты не томи, сажай на земли богатые и деревни давай в кормление. Они же пускай тебе за хлеб твой служат верой и правдой.

Иван, молча, послушным отроком, внимал речам духовника. «Что ж, может быть, так оно и нужно, коли об том сам Макарий речь заводит».

– И бояре, сын мой, тебе об том же самом скажут. На татар идти надобно! Из полона народ русский освободить, который, словно скот бессловесный, в рабстве томится. А Христос тебе за это воздаст и своим покровительством не оставит, – продолжал напутствовать Макарий. – На вот… целуй святой крест, что в этот же год на Казань пойдешь.

Иван Васильевич размашисто перекрестился и тронул гу-

---

[19] Подворье – здесь: постоялый двор.

бами золотое распятие.

– Вот так оно, сын мой. Все к добру это делается. За веру православную стоять надо. А я молиться за тебя буду Деве Марии – заступнице земли Русской.

В тот же год, по весне, великий князь и государь всея Руси Иван Васильевич затеял поход на Казань. Провожал его до ворот Спасских сам митрополит Макарий.

– Дети мои, – говорил святейший, – благословляю вас на подвиг великий, на бой с супостатами. Не посрамите клинков своих славных и дела нашего православного. Благословляю вас на битву достойную, как когда-то Сергий Радонежский благословлял пращура нашего Дмитрия Донского на битву с Мамаем, где добыта была слава для земли Русской, а нам спасение. Будьте же достойны этой чести!

Войско слушало митрополита, преклонив колени. Стоял на коленях и Иван Васильевич. Наконец он поднялся, отряхнул налипшую глину.

– Спасибо тебе, Макарий, за слово напутственное. Пойдем мы… С Богом! – перекрестил великий князь спрятанную в железную броню грудь.

Огромное Иваново войско, позванивая железом, покидало Москву, и было в этом звуке что-то щемящее, прощальное. Макарий смахнул с глаз скупую слезу и трижды перекрестил удаляющуюся рать.

– Убереги, Матерь Божия, детей своих от погибели. Дай-то Бог вернуться с честью, – просил старец.

Ханум Ковгоршад

О продвижении войска Ивана Васильевича Сафа-Гирей уже знал. Многочисленные дервиши [20] стучали кривыми палками в дворцовые врата и требовали свидания с самим ханом.

Сафа-Гирей спокойно выслушивал дервишей и отправлял отряды к границам ханства.

В это время в городе началась смута. Казанцы, недовольные ханом, открыто выступали против него на площадях города.

– Сафа-Гирей не любит казанский народ! – раздавалось из толпы. – Он приблизил к себе крымских эмиров, раздал им все земли! До каких пор мы будем терпеть в Казани засилье Гиреев?

– Дайте высказаться мне, служителю Аллаха! – попросил невысокий мулла.

Вокруг сразу же примолкли, все взгляды были устремлены на слегка сутулую фигуру в темном долгополом одеянии.

– Мы слушаем тебя, учитель, – раздались почтительные голоса.

Когда стало тихо совсем, мулла заговорил:

– У нас единый Бог, что в Крымском ханстве, что в Казани. Имя ему вечное… Аллах! Но Сафа-Гирей не знает и

[20] Дервиши – члены мусульманских братств; нищие.

не любит народ, которым правит, не знает его обычаев и не имеет сострадания к единоверцам! Крымские эмиры и мурзы наполнили Казанское ханство и ведут себя здесь так, будто они истинные хозяева! А кто же мы?! Гореть же Сафа-Гирею за прегрешения перед единоверцами и Аллахом в аду и корчиться в страшных муках, а вместо кумыса пить ему расплавленное железо! Не должно быть ему места и на земле Казанской!

Толпа взорвалась проклятиями. Из окон своего дворца ханум Ковгоршад видела все, что происходит на площади. Обезумевшую толпу теперь не остановить. Люди выкрикивали проклятия, угрозы в адрес хана, размахивали руками. Потом живой людской поток распался на многие рукава и потянулся по кривым улочкам в сторону дворца казанского правителя.

– Пусть же теперь Сафа-Гирей поймет, что на нашей земле он только гость. Все, что окружает его, принадлежит нам и Аллаху, – заговорила мудрая бике. – Теперь ему только одна дорога – в Крым!

Стоявший рядом Чура Нарыков прильнул к окну и мягко возразил ей:

– Но Сафа-Гирей еще очень силен! Он может выявить всех наших людей и казнить их! А восстание просто раздавить!

Разгневанная толпа все ближе подступала к высоким каменным стенам, за которыми прятался ханский дворец.

На стенах появились посланники ханской воли.

– Хан требует, чтобы вы все разошлись по своим домам! Неповиновение – смерть! – громко крикнул один из них. Но голос его утонул в бранных выкриках.

Из толпы тонко дзинькнула стрела и, сковырнув щепу, врезалась в свежий тес.

– Что они делают, безумцы?! – вскричал сеид Кулшериф. – Сафа-Гирей выпустит на них свое войско!

Кулшериф попробовал образумить разбушевавшуюся толпу. По крутой долгой лестнице поднялся он на высокий минарет. Внизу колыхалось и шумело людское море. Сеид прижмурил подслеповатые глаза, посмотрел вниз и заговорил:

– Братья мои, единоверцы! Выслушайте меня.

Кулшерифа заметили, и скоро вокруг величественной мечети воцарилась тишина. Сеид старался говорить громко, его должны услышать все.

– Это я вам говорю, один из потомков Мухаммеда! Опомнитесь, братья мои! Что же вы делаете?! Вы поступаете неразумно и на радость проклятым гяурам! Вот кто будет ликовать над нашим несчастьем! Вспомните слова из Великой книги, имя которой Коран! Самой правдивой и самой главной книги на земле! Коран говорит о верующих, которые выполняют завет Аллаха и не нарушают обещания, о людях, которые терпели, стремясь к лику своего господина и простаивая молитву. Только для них сады вечности! И ангелы

войдут к ним через дверь и скажут: «Мир вам за то, что вы терпели!» Так говорит Коран, так будьте же, люди, терпеливы до конца и снисходительны к ошибкам чужим, и вы дойдете и до своих ошибок. Заклинаю вас Аллахом, ибо нет ни на земле, ни на небе другого Бога, кроме него! Отступите же от стен дома господина вашего хана Сафа-Гирея! Дайте же мир его дому!

На некоторое время внизу сделалось тихо. Все замерло.

Впалые щеки сеида омочили слезы. Он плакал и не стеснялся своей слабости. На площади чувствовалось замешательство. Ведь словами сеида говорит сам Аллах.

– Сафа-Гирея! Сафа-Гирея! – закричали вдруг внизу.

Сеид еще некоторое время оставался на минарете, а потом, забытый всеми, стал спускаться вниз. Казанцам был нужен только хан.

Отряд крымских уланов уже собрался во дворце, и холеные чуткие кони беспокойно переступали с ноги на ногу. Всадники легким похлопыванием по холке пытались успокоить животных. Не время еще, не время… А ханский дворец уже был взят в плен, и людское море, колыхающееся внизу, требовало немедленной расправы.

Сотник, стоявший рядом с ханом, видел, как Сафа-Гирей все более менялся в лице. Разве может он простить такое унижение, это не в его характере! Эмиры расставались с головами и за меньшие прегрешения.

– Народ хочет меня видеть?.. Что ж, я выйду к нему, – наконец произнес Сафа-Гирей.

– Ты должен себя беречь, великий хан, – попробовал удержать его сотник.

– Я выйду к ним! – повысил голос правитель Казани. – Иначе меня могут счесть за труса.

Сафа-Гирей поднялся на стену, быстро пошел по длинным деревянным галереям. Через узкие бойницы он рассмотрел на площади неспокойный казанский народ.

«Быть изгнанным из Казани дважды… Нет! Во имя Аллаха милостивого, милосердного!»

Он распрямился во весь рост, и вся Казань увидела хана, как и прежде, всемогущего, не знающего сомнений. Толпа вновь затихла. И в этом затишье Сафа-Гирей уловил уважение к своему ханскому титулу и к крови чингизидов, которая бурлила в его жилах.

– Казанцы! Народ мой! – заговорил Сафа. – Ответьте мне, чем я обидел вас?! Я ли не был вам братом и отцом?! Я ли не был вам справедливым судьей и слугой?! – Хан возвел руки к небу. Он чувствовал, что его слова достигают цели. Нужно еще одно усилие, и народ поймет его. – Я был вам опорой от проклятых гяуров, которые тянут свои нечестивые руки к нашим землям! Так что же случилось? Я вас спрашиваю?!

Собравшийся на площади народ взволнованно загудел. Ведь прав хан, добра он им желает, веру в Аллаха от посягательств неверных хранит.

– Грешны мы перед тобой, Сафа-Гирей! – раздался с площади одинокий голос.

Еще мгновение – и народ разразится воплями раскаяния.

Но тут по площади пробежал ропот: «Сама Ковгоршад говорит!» Единственная оставшаяся в живых из славного рода Улу-Мухаммеда.

– Братья мои! Враг Сафа-Гирей вам и всему ханству нашему! Вспомните, не по его ли приказу были убиты отцы и братья наши! Не он ли обложил вас непомерными налогами, не при нем ли казанец стал чувствовать себя чужим в собственном дворе?! А земли ваши разве не он отдал на откуп крымским мурзам?! А кому достаются лучшие пастбища?!

Вокруг Ковгоршад почтительно расступались. Грязные халаты дервишей не должны касаться святого одеяния самой Ковгоршад.

– Уходи прочь, Сафа-Гирей, с нашей земли! Казанцы, разве хан любит нашу землю так, как любим ее мы? – простирала она руки к собравшимся. – Лучшие наши сыновья и братья погибли не на поле брани, а под саблями палачей!

Народ слушал ее взволнованную речь молча. Грех прерывать бике криком, пусть даже он рвется из самой груди.

Сафа-Гирей улыбнулся, и стоявшие рядом мурзы переглянулись, зная, чего стоит эта улыбка хана.

– Складно говоришь, бике! Ой как складно! Личины наконец сброшены, теперь мы с тобой по разные стороны, Ковгоршад!

Сафа-Гирей спрятался за стенами и, чуть пригибая голову, пошел ко дворцу, минуя низкие дощатые галереи.

– Разогнать толпу на площади! – бросил он на ходу есаулу. – И никого не жалеть! – Потом он приостановился, немного подумал и добавил: – Сделать так, чтобы Ковгоршад больше не было.

Улан посмотрел вслед ссутулившейся фигуре хана. Сафа-Гирей должен оглянуться и отменить свой приказ. Но хан уже входил в дверь. «Остановился!» – с надеждой подумал есаул. Хан действительно слегка замешкался у дверей, а потом скрылся за высокими резными воротами.

Удивление на лице улана сменилось решимостью действовать. Разве кто из смертных осмелится нарушить приказ хана?

– Разогнать толпу и никого не жалеть… – Есаул помедлил, еще есть время, чтобы не допустить непоправимое. – Убить Ковгоршад! Это приказ самого хана!

Ворота заскрипели, выпуская из дворца конницу. Всадники без устали заработали саблями, засвистели нагайки. Крики ужаса захлебывались в предсмертных стонах. Ханум Ковгоршад осталась стоять в центре площади. К женщине подъехал сотник, его лицо ничего не выражало. Но глаза! В них бике прочитала свой приговор.

– Ты не посмеешь ударить меня! – произнесла Ковгоршад.

Всадник помедлил, а потом сабля описала над его головой дугу и с силой упала вниз.

Скоро все было кончено: на площади лежали убитые и стонали раненые. Вечером, когда стемнеет, родственники заберут погибших.

Среди остальных лежала и бике. Она еще дышала, когда ее подняли сильные руки Чуры Нарыкова и понесли.

– Не запачкайся в крови, – тихо прошептала женщина и потеряла сознание.

Бережно отнес Чура ее в дом. Глядя на бездыханную бике, он повторял слова мести:

– Хан заплатит за это!

Второе изгнание

Этой ночью город уснуть не смог. Повсюду раздавались приглушенные крики и проклятия. Не спали в эту ночь и в ханском дворце. Невозмутимым оставался только Сафа-Гирей.

– Зажечь огонь в моих покоях! – приказал он. – Пригласить моего гостя Ядигера.

Сафа-Гирей опустился на шелковые подушки и стал ждать. Скоро на пороге покоев появился Ядигер. Отпрыск астраханского хана держался с достоинством. Он всегда помнил, что Сафа принадлежит к ненавистному ему роду Гиреев, непримиримым врагам Астраханского ханства. Однако это не мешало им наносить друг другу визиты вежливости, а в последний год они сблизились особенно.

Сафа-Гирей внимательным взглядом смерил Ядигера.

– Неспокоен народ, – заговорил хан после того, как гость опустился на подложенные слугами мягкие подушки.

Ядигер не перебивал, ждал, что будет дальше, только согласно кивал головой.

– В Казани бунт.

И снова астраханец согласился, прикрыв глаза.

– Завтра я раздавлю их всех! – гневно выкрикнул Сафа-Гирей.

– У тебя не хватит сил, – неожиданно возразил Ядигер. –

Тебя не любят в Казани и желают твоей смерти.

Сафа-Гирей сверкнул глазами. Меняются, видно, времена, если астраханский выкормыш смеет возражать казанскому хану! Но Ядигер не боялся Сафа-Гирея, он уже понимал, чего хочет от него хан.

– Ты разоряешь свои улусы непомерными поборами, города твои стоят в запустении, сборщики налогов бесчинствуют и грабят, правды у судей не найти. Во всем же винят тебя, потому что все это происходит от твоего имени. Твои ставленники в улусах не любят казанцев и обкладывают их все новыми налогами. Карачи открыто враждуют между собой, а у тебя нет даже сил наказать виноватого!

– О Аллах, ты сказал только правду! – выдавил из себя Сафа-Гирей. – Но где же выход?!

– У тебя есть выход… Нужно бежать! И бежать сейчас же. Иначе на рассвете будет поздно, толпы казанцев ворвутся во дворец и растерзают тебя вместе с женами. Слава Всевышнему, ночи сейчас темны!

– Но у меня есть стража и отряд крымских улан!

– Но что может сделать один отряд против целого города? И уверен ли ты в том, что стража верна тебе?

Сафа-Гирей задумался. Его узкий, слегка впалый лоб прорезали глубокие морщины. На скулах нервно забегали желваки. «Вернуться на ханство, чтобы так позорно бежать! А может, Ядигер добивается моего отъезда из Казани, для того чтобы самому занять место хана?..»

– Ты должен поехать к нам, в Хаджи-Тархан, я напишу отцу, чтобы он тебя встретил, как и подобает встречать казанского хана. Там у тебя будет время, чтобы собрать войско, а уже затем вернуться в Казань!

– Хорошо. Я еду! – решился все-таки Сафа-Гирей.

Глубокой ночью небольшой отряд хана тайно покинул своевольную Казань. Некоторое время в темноте были видны неясные силуэты всадников, а потом и они растворились на астраханской дороге.

– Я еще вернусь! – всю дорогу повторял Сафа-Гирей, пришпоривая задыхающегося от быстрого бега жеребца. – Я еще вернусь!

Долгих три месяца пробыл изгнанный Сафа-Гирей в Астрахани. «Был ханом, – думал Сафа-Гирей, – нужен был всем, а сейчас – никому!» На его почти заискивающую просьбу дать небольшое войско – проучить непокорную Казань – астраханский хан неожиданно ответил резким отказом:

– Не с руки сейчас ссориться с Москвой! Урусские войска как никогда сильны и находятся на подступах к Казани. А ведь они могут свернуть и в мою сторону, окажи я тебе добрую услугу!

Сафа-Гирей понял, что рассчитывать здесь больше не на что. «Лучше быть незваным гостем у своего тестя, чем изгнанником в Хаджи-Тархане», – рассудил беглец и вместе с

женами и небольшим отрядом отправился в Ногайскую Орду, к отцу своей старшей жены Сююн-Бике.

За спиной оставались мечети Астраханского ханства.

Ногайский господин не пожелал встретить зятя.

– Отведите меня к мурзе Юсуфу, – властно обронил Сафа-Гирей дворцовой страже.

Неласково встречали Ногаи – охрана равнодушно созерцала опального хана.

– Отвести меня к моему тестю! – повысил он голос, и рука невольно потянулась к красивой чеканной рукояти.

Дворцовый страж скользнул глазами по сильной руке казанского господина, кривой красивой сабле, потом, после краткого раздумья, произнес:

– Отвести Сафа-Гирея к мурзе Юсуфу.

– Дерзкий! Ты забыл добавить слово «хан» и поклониться!

Голос Сафа-Гирея звучал по-прежнему строго. Рука все так же покоилась на красивой рукояти, и страж рассмотрел, как тонкую чеканку обнимает красивая пятнистая змея. «Кобра! А ведь она способна ужалить насмерть! Лучше умереть на поле брани, чем от руки изгнанника-хана. Тогда хоть сразу попадешь в рай!»

– Проводить казанского хана Сафа-Гирея к мурзе Юсуфу.

Старый воин как можно почтительнее согнул спину. Ему не однажды приходилось кланяться султанам, ханам, мурзам

и эмирам, но изгнанному и всеми презираемому беглецу – впервые!

Хан прошел мимо, не удостоив больше стражу даже мимолетным взглядом.

Сафа-Гирей медленно поднялся по широким мраморным ступеням дворца. Следом, обнажив сабли, ступали два стражника.

Юсуф ждал Сафа-Гирея. «Что ж, пускай войдет! Помнится, он был тщеславен и горд, но время меняет людей».

Однако годы, казалось, не коснулись Сафа-Гирея. Он был по-прежнему статен и молод, все тот же надменный взгляд, только губы приобрели еще большую твердость. «Красив, – подумал Юсуф и удобно расположился на мягких подушках. – Что же он будет делать дальше? Хватит ли у него решимости пройти в комнату? Вот как, не хватило… Сафа-Гирей стал скромным. Все-таки изменился хан, не забывает, что гость!»

Юсуф сделал небрежный знак рукой, и стража немедленно скрылась, оставив его наедине с Сафа-Гиреем. Тот прошел дальше в глубь комнаты, и его легкие шаги утонули в мягких коврах.

Комната была просторной и богато убранной. Юсуф окружил себя красотой не меньшей, чем султан Сулейман: на полу персидские ковры, сосуды – из чистого золота.

Сафа-Гирей вдруг понял, что от этого дряхлого старика

зависит не только его дальнейшая судьба, но, быть может, и жизнь.

– Отец, прости, – переламывая в себе гордыню, изгнанник склонил колени перед Юсуфом. – Виноват я перед всеми: перед Аллахом в первую очередь, но все, что я делал, шло от любви к моему ханству и к твоей дочери Сююн-Бике!

Лицо старика при упоминании о его любимице сделалось мягче, и голос стал вдруг совершенно другим:

– Встань, Сафа. С каких это пор ханы стоят на коленях перед мурзами? Чего ты желаешь от меня? Ждешь помощи?..

– Позволь мне в твоем юрте [21] переждать тяжелое для меня время. А потом я вернусь!.. Я очень рассчитываю на твою помощь.

Юсуф долго не отвечал. Тяжко поднялся с мягких больших подушек и заходил по комнате. Глубокий ворс ковра заглушал его тяжелый шаг.

Сафа-Гирей молчал, сейчас решалась его судьба. Наконец Юсуф заговорил:

– Ты смеешь просить моей помощи! Неужели ты думаешь, что я пожелаю помочь человеку, который убил моего зятя Джан-Али, данного мне Аллахом! Ты обесчестил мою дочь браком, который не угоден Всевышнему!

– Но Сююн-Бике любит меня! – пробовал возражать Сафа-Гирей. – Джан-Али был равнодушен к твоей дочери.

– Иди. Я подумаю, – тихо произнес Юсуф, остывая. – И

[21] Юрт – совокупность владений ханства.

пусть ко мне явится Сююн-Бике.

Сююн-Бике не была на родине несколько лет. Волнение не оставляло ее, как только отряд пересек границу Орды. Из окон кибитки она с волнением смотрела на знакомую с детства бескрайнюю степь.

– Остановись! – крикнула бике.

Сколько раз ей вспоминалось именно это место. Здесь впервые произошла ее встреча с огланом Кучаком. О Аллах, как давно все это было…

Кибитка въехала одним колесом в яму и, качнувшись, остановилась. Сююн-Бике спрыгнула с подножки, встала на колени, запачкав темной тиной шелковые шаровары, и коснулась губами влажной земли.

Вот и свиделась Сююн-Бике с домом. Никто не торопил ее, а она не спешила. Уланы молча наблюдали за ней.

– Поехали! – Она села в кибитку, и та медленно тронулась, а затем, набирая разбег, поспешила в сторону высоких городских стен.

Сарайчик почти не изменился, только в центре площади выросла каменная мечеть. С высоких минаретов муэдзины созывали правоверных на вечернюю молитву. Город был так же красив, как Казань.

Юсуф встретил дочь ласково:

– Как ты похорошела, милая Сююн-Бике. Твоя красота

может соперничать с луной.

– Ты преувеличиваешь мои достоинства, отец. Я – только женщина и жена изгнанного хана.

Юсуф помрачнел, черты его лица сделались резче, потемнели морщины. И Сююн-Бике увидела, как он постарел.

– Ты была женой Джан-Али. Я выдавал тебя именно за него, – нахмурился мурза. – А Сафа-Гирей убил твоего мужа и тем самым нанес оскорбление мне!

– Мой муж – Сафа-Гирей, – твердо сказала Сююн-Бике. – Джан-Али никогда не любил меня.

Мурза не сумел спрятать усмешку.

– Ты достойна лучшей участи, чем быть женой хана-изгнанника. Кому сейчас нужен этот шелудивый пес, который шастает по степи в поисках пристанища?! Достаточно мне пошевелить пальцем, как его просто не станет. Даже Гиреи, его крымские родственники, не вступятся за него.

– Ты не посмеешь убить моего мужа! – взмолилась Сююн-Бике. – Ты поможешь ему, потому что я люблю его!

Сердце старого воина дрогнуло. Что может быть ближе, чем боль дочери? Что ее ожидает с неудачником-ханом, который не в состоянии справиться даже с кучкой недовольных мурз? Наверняка о том, что Сафа-Гирей прибыл в Ногаи, уже знает и Иван. И он может напомнить об этом. А расположение урусского хана стоит всегда дорого. С другой стороны, Гиреи… Вряд ли они способны простить гибель своего сородича. Сами Гиреи могут с легкостью резать друг друга,

но попробуй вспороть брюхо кому-нибудь из них! Они сразу забывают обиды и объединяются против общего врага. Гиреи – опасные соседи!

– Хорошо… Я подумаю, а теперь иди к себе, Сююн-Бике.

У мурзы Юсуфа Сафа-Гирей гостил недолго, зачем же злоупотреблять радушным приемом? И через несколько дней, сколотив небольшое войско, неторопливо двинулся в обратную дорогу.

Надо брать Казань!

В дороге Сафа-Гирей сделался раздражительным, случалось, срывал злость на окружающих, и уланы старались во время переходов держаться от него подальше. А хана мучило тяжелое предчувствие, он продолжал находиться под впечатлением своего последнего разговора с Юсуфом.

– Ты просишь у меня войско, Сафа-Гирей, чтобы вернуть себе Казань?

– Да, мурза Юсуф! И ты должен помочь мне в этом! Даже стоя на суде перед Аллахом, я буду помнить о твоей доброте. Объясни мне, что тебя может связывать с ханом Иваном? Он неверный, а ты мусульманин! Мы должны объединиться. Как только я верну себе Казань, нам нужно идти на Москву. В этом нам поможет и Крым – Сагиб-Гирей. Даже Казанское ханство хан Иван объявил своим юртом! – гневно продолжал Сафа-Гирей. – Никогда Казань не была ничьим улусом, не будет и впредь! Или ты думаешь, Юсуф, отсидеться здесь

в степи, пока Иван подходит к Казани?! Не выйдет, следующим будешь ты!

Этот разговор для Юсуфа тоже не прошел бесследно: на следующий день он дал хану-изгнаннику несколько сот всадников.

– Мне нужны пушки, чтобы пробить стены Казани! – все более смелел Сафа-Гирей.

– Мне они тоже нужны. Чем же я буду защищать свой город, если ты заберешь еще и пушки?

Сафа не стал отвечать, только с досады плетью огрел коня и увлек за собой небольшое войско Юсуфа.

Накануне Юсуф получил грамоту от урусского хана Ивана.

Здравствуй, брат мой мурза Юсуф! Бью челом тебе из стольного города русского. Прослышал я, что в царстве твоем скрывается изгнанный из Казани царь Сафа-Гирей. Враг он мой и всего народа русского. Вяжи сего пса по рукам и ногам путами крепкими. И как простого смерда вези в Москву. А уж там я сам суд учиню! Услугу твою помнить буду. Дружбой буду обязан. И на том великий князь и государь всея Руси Иван Четвертый Васильевич Второй кланяется.

– Позвать ко мне хаджи [22] Хафиза, – приказал Юсуф, ко-

[22] Хаджи – мусульманин, совершавший хадж, паломничество в Мекку.

гда войско опального хана уже скрылось в степи. – Пиши, – произнес мурза, когда Хафиз удобно разместился за столом, взяв в руки отточенное перо. – «Желаю долго здравствовать, брат мой государь Иван. Пишет тебе ногайский мурза Юсуф. Враг твой, хан Сафа-Гирей, был у меня с дочерью моей любимой, Сююн-Бике. Письмо твое запоздало. Оно пришло, когда Сафа-Гирей уже выехал из Ногаев. Я вдогонку хану отправил людей своих, чтобы поймали и наказали его», – медленно диктовал Юсуф. На некоторое время он задумался. – Нет, не годится… Пиши. «Письмо твое получил. Хотел заточить Сафа-Гирея в зиндан, но он, пес такой, убил моих людей и сбежал. Я же вослед послал ему своих людей, чтобы догнали и наказали Сафа-Гирея…» Гонца с письмом отправить немедленно и позвать ко мне Али.

Вошел Али. Его темное лицо, меченное солнцем, временем и саблями урусов, чуть оживилось под лукавым взглядом Юсуфа.

– Я слушаю тебя, о великий, – низко пригнув поседевшую голову, сказал старый воин.

– Возьми с собой сотню казаков, скажешь Сафа-Гирею, что прислал их я. Будь рядом с ним, стань его тенью, а при удобном случае – убей! Но чтобы об этом не знал никто.

Часть вторая
СТАВЛЕННИК МОСКВЫ

Курултай [23]

На курултае, куда съехались эмиры и мурзы с ближних и дальних улусов Казанского ханства, выбирали нового правителя. На огромном Арском поле было тесно от шатров. Там, где каждую весну проходил сабантуй [24] и не утихало веселье, сейчас было тревожно – решалась судьба государства. Знатные казанцы, перебивая друг друга, предлагали на ханский престол своих ставленников.

– Нам нужен Шах-Али! – стараясь перекричать всех, взывал к собравшимся один из мурз. – Только он сможет помочь Казани! Он договорится с ханом Иваном, и войско урусов отойдет от стен города.

– Но он волен в обращении с женщинами! Он будет позорить наших жен! Вспомните его правление! – возражали ему. – Он воспитывался среди гяуров, там женщины чересчур вольны в поведении и в обращении с мужчинами!

– Нам сможет помочь только Крым! – кричали другие. –

---

[23] Курултай – съезд.

[24] Сабантуй – праздник после окончания весенних полевых работ.

За ним стоит султан Сулейман с его непобедимыми янычарами! Урусы хотят вытеснить нас с земли предков! Султану Сулейману они пишут, что Казань всегда была их улусом!

– Нет! На Казань нужно ставить только Ядигера! Он был уланом в войске хана Ивана, знает обычаи урусов и хорошо знает наше ханство! И кто будет спорить с тем, что он настоящий мусульманин?!

Потом взял слово Чура Нарыков.

Он поднялся с колен, провел маленькой ладонью по черной бородке, обвел всех присутствующих долгим взглядом… Здесь собрались разные люди. Всех объединил и сблизил курултай. Забыты давние родовые распри, никто не вспоминал о прежних обидах. Решалась судьба всего ханства. Непримиримые враги сидели рядом и брали жирные куски баранины с одного блюда. Сейчас все взгляды были устремлены в сторону Чуры.

Он хорошо знал Шах-Али. Конечно, это далеко не тот хан, который нужен Казани, но лучшего сейчас просто не найти. Было время, когда их обоих связывала дружба. Разве не Чура Нарыков в первый год ханства Шах-Али протянул ему руку помощи? Тогда новый правитель искал расположения знатных эмиров, и первым был он, могущественный Чура! Вместе с популярностью хана росло и влияние Нарыкова. Без его совета казанский правитель не мог сделать и шагу, и, если бы не пренебрежительное отношение Шах-Али к знатным сановникам, по сей день хан сидел бы на своем престоле.

Чура Нарыков, запахнув на себе полы длинной одежды, обратился к собравшимся:

– Правоверные! – Он старался говорить так, чтобы его услышали в самых дальних концах курултая. – Аллах должен воздать нам по заслугам за многотерпение! Долго мы несли на себе непосильную тяжесть владычества Гиреев! Вспомните же, сколько при их правлении было изничтожено почтенных казанцев. Гиреям нужны только две вещи – золото и власть! Разве они пекутся о благополучии своих подданных?! А Казань? Теперь это не наш город. Его заполонили крымские мурзы, им отданы лучшие земли!

Чура сделал паузу, убедился, что его слушают внимательно, затаив дыхание. В первых рядах он заметил Кулшерифа и Худай-Кула.

Сеид Кулшериф в знак согласия слегка кивал головой.

Эмир Нур-Али сидел неподалеку от Кулшерифа и время от времени поглядывал в его сторону, пытаясь угадать мысли сеида. А тот словно дал обет молчания – выступать не торопился.

Чура между тем продолжал:

– Мы всего лишь пасынки на собственных землях! Не к чести казанцев быть последними у себя дома!

– Верно он говорит! – выкрикнул Нур-Али.

– Верно! – прокричал Худай-Кул.

Чура смерил его взглядом: «И ты сюда же, собака!» Он вспомнил, как совсем недавно улай так же поддерживал и

Сафа-Гирея. Худай-Кул всегда был на стороне сильного.

– Верно!!! – подхватило великое собрание – курултай.

– Но что ты предлагаешь?

Эти слова, хотя и сказанные тихим голосом, услышали все. Как же иначе – ведь они принадлежали самому сеиду.

Кулшериф дотронулся морщинистой ладонью до подбородка, поросшего редкой седой бородой. Сеид ждал ответа.

– Я предлагаю написать письмо урусскому государю, чтобы он дал согласие на ханство Шах-Али! – наконец произнес Чура.

Огромное собрание вновь закипело.

– Он больше служит урусскому хану, чем своим правоверным!

Со своего места тяжело поднялся Кулшериф. Он был малого роста, но его увидели все. Кто-то из мурз подставил под его руку свое плечо. Сеид поблагодарил едва заметным кивком. Ждал, когда спадет первая волна возмущения. Кулшериф, будто под тяжестью взглядов, склонился. «Недолго он еще протянет!» – поймал себя на жалости Чура.

Курултай приготовился слушать мудрое слово духовного наставника.

– Чура Нарыков прав! – раздался над поляной сухой, чуть надтреснутый голос.

И настроение курултая изменилось. Слова сеида пророческие. Его устами говорит сам Аллах.

– Верно!

– На престоле должен быть Шах-Али!

– Тогда хан Иван уберет свои полки с наших земель. А что будет дальше… – сеид обвел толпу долгим взглядом, – ведает только Аллах!

Он провел руками по лицу, совершая святое омовение, и весь курултай в один голос выдохнул:

– Амин!

Воля господина

Город был близок. Сафа-Гирей уже видел крепкие стены Казани. На башнях и стенах он разглядел множество вооруженных людей.

– Неласково они встречают своего хана. Посмотрим же, что будет дальше, – и Сафа-Гирей хлестнул нагайкой коня по круглому лоснящемуся крупу. Жеребец, фыркнув, вынес хозяина на берег реки.

Во время весеннего паводка Казань-река разлилась особенно привольно – уже не перешагнуть, как некогда в сухие годы. Ее тихие, неторопливые воды подступили прямо к высоким стенам города.

«Сразу не взять, нужно будет придумать что-нибудь». Сафа-Гирей вновь огрел плетью жеребца. Тот обиженно заржал, взвился на дыбы и понес всадника по берегу речушки.

Три дня отряды Сафа-Гирея штурмовали Казань. Но город оставался неприступен.

Обратная дорога в Ногаи показалась долгой. Сафа-Гирей выехал далеко вперед своих сотен, рядом ехал улан Али. Кони шли рядом, шаг в шаг.

– Я хочу побыть один, – произнес хан. – Оставь меня!

Улан будто не слышал и продолжал следовать за Сафа-Гиреем.

– Я хотел сказать тебе, хан, – произнес вдруг Али. – Не возвращайся в Сарайчик, там тебя ждет смерть… Я должен был убить тебя, Сафа-Гирей.

Хан оставался невозмутимым, он как будто не слышал оброненных слов. Только мозолистая крепкая ладонь потянулась к темной холке коня. Тот на мгновение замер, ласка хозяина была ему приятна.

– Но я не смог этого сделать. Ты – великий хан. И окажи мне честь находиться рядом с тобой.

Сафа-Гирей благодарно улыбнулся:

– Спасибо тебе за эту весть. Я никогда не забуду твоей услуги.

Кони продолжали идти рядом и в такт шагов раскачивали косматыми головами.

– Посмотри, что там за пыль на горизонте?

– Где? – удивленно приподнялся на стременах улан.

– Там! Смотри!.. Смотри!

– Где же? – повернулся Али к Сафа-Гирею, и тут же вороной клинок, рассекая ребра, по самую рукоять вошел улану в грудь.

– За что? – прошептал он, и кровавая пена с помертвелых губ закапала на поднявшуюся после дождя полынь.

– Волю господина надо исполнять!

Улан еще некоторое время пытался удержаться в седле, широко раскачиваясь из стороны в сторону, а потом, натягивая поводья, рухнул лицом в чужую казанскую землю. Конь

поднялся на дыбы, заржал громко, и эхо долго разносило этот крик-печаль по всей степи.

Сафа-Гирей повернул назад к своему войску.

– В Ногаи не поедем. Путь наш лежит в Хаджи-Тархан. Там нас ожидает теплый прием, а коней – сытный овес.

Воинство Сафа-Гирея уже давно перестало удивляться решениям хана и послушно свернуло с наезженной дороги в степь, в сторону Астраханского ханства.

Нежданная весть

Войско великого князя Ивана Васильевича остановилось большим лагерем у широкой, не успевшей еще освободиться от ледового плена Итили. На следующий день по велению государя решено было переправиться по льду к городу. А ночью неожиданно прошел ливень. Берега уже не могли удержать стихию, и вода прорвалась, затопив лагерь. Повозки, груженные пушками, ядрами, продовольствием и прочим скарбом, вязли в рыхлом снегу, а то и просто проваливались под лед, увлекая в мутную пучину и отроков [25]. Над Итилью раздавались крики о помощи, предсмертное ржание коней, ругань. Воины бросали оружие, сбрасывали кольчуги и пытались добраться до берега вплавь.

– О святая Богородица, спаси и сохрани! Заклинаю тебя! – молился в страхе молодой государь. – Видно, грешен, вот и наказывает меня сын твой… Заступись!

А весна, начавшаяся в том году особенно рано, продолжала показывать свой крутой нрав. Итиль широко затопила пашни, луга и леса. И войско Ивана Васильевича без соизволения воевод стало отходить от Казани.

Со стен города неудачу великого князя приветствовали восторженно, и Кулшериф, взывая к ликующей толпе, беспрестанно повторял:

---

[25] Отрок – здесь: дружинник.

– Сам Аллах помогает нам воевать против неверных.

А на следующий день, свернув знамена, снялся со своего места и передовой полк государя. Иван Васильевич возвращался в стольный град.

Недолго печалился самодержец и уже через месяц стал готовить новый поход. Во все стороны земли Русской скакали гонцы, собирая великое войско. Приготовление к новому походу приостановила неожиданная весть: земля Казанская просила на ханство Шах-Али.

Государь обратился за советом к своему духовному наставнику митрополиту Макарию.

– Как быть, святой отец? – спрашивал молодой, не искушенный в тонкостях государственных дел Иван Васильевич.

Макарий, полуобняв юношу, мудро вещал:

– Шах-Али, государь, другом завсегда нам был. Интересы наши исполнял исправно. Он и отцу твоему Василию Ивановичу добром служил. За что и не люб народу казанскому, за то и изгнан был из града Казани. Царем он был и в граде Касимове и там служил честно. А коли в чем и повинен был, так его уже и Бог простил, раскаялся давно. Отпиши, государь, послам казанским о согласии твоем. Пускай Шах-Али царем казанским сделается, и нам от того большая польза будет. – Митрополит помолчал, снизу вверх посмотрел в глаза государя.

Долговязый Иван Васильевич усердно внимал мудрым речам духовного наставника. А Макарий продолжал:

– Только надобно ему наказать про полон русский. Да про то, что Христа на басурмановой земле забывают православные, в нового Бога уверовали. Аллаху молятся, баб ихних в жены берут.

– Хорошо, Макарий, быть по сему!

В тот же день Шах-Али предстал перед государем. Царь принял его как равного, посадил подле себя.

– Ты – царь, и я – царь, – заговорил Иван Васильевич. – Я царь московский, ты же царем казанским сделаешься. Обещай же, что не предашь меня, как Сафа-Гирей, и братом мне будешь!

– Обещаю.

А государь меж тем продолжал:

– Сафа-Гирей, прежний царь казанский, земли русские обижал да в полон всякого народу набирал. Как на царствие станешь, то полон русский отпустишь, а мне на том грамоту отпишешь.

Шах-Али почувствовал на своем плече прикосновение государевой руки. Тяжела оказалась честь: Шах-Али рухнул на колени.

– Прости, государь, за прегрешения. Век правдой служить буду, как отцу твоему служил, Василию Ивановичу.

Плохая приметА

Утро следующего дня Шах-Али встретил в дороге. Он ехал в Казань в сопровождении тысячи стрельцов. А на десятый день пути на высоком холме он увидел стены города и островерхие крыши минаретов.

– О Аллах, исполни мою мечту, сделай меня счастливым. Пусть Казань навсегда останется в моей власти! – просил Шах-Али.

Город встречал бывшего и будущего хана настороженно. Неласковы были взоры мурз, встречавших Шах-Али. Он въехал в Казань через Ханские ворота в сопровождении небольшой свиты. Следом шествовал отряд русской стражи – только ей и доверял Шах-Али.

Появилась еще одна группа встречающих. Впереди был Чура Нарыков. Именно Чуру и хотел видеть в этот час Шах-Али. Сейчас, как никогда, важна поддержка могущественного эмира. Обменялись приветствиями, воздавая хвалу Аллаху.

– Хан, – приложил Чура руку к груди. Голова замерла в почтительном поклоне. – Нам нужен только ты. Войско же хана Ивана пусть остается за пределами Казани.

Вот он, знак беды. «Эмиры и мурзы хотят лишить меня поддержки царя, но если я откажусь, тогда придется распро-

щаться с Казанью». Шах-Али туго натянул поводья, и удила глубоко врезались в губы жеребца. Будущий хан размышлял всего лишь мгновение, потом он повернулся назад и махнул рукой поотставшему отряду:

– Отъезжайте в Москву, я остаюсь здесь… И передайте Ивану Васильевичу, что свое обещание я помню.

Князь Дмитрий Палецкий, поклонившись бывшему касимовскому царю, молвил:

– Не беспокойся, государь, все будет исполнено, – и, повернувшись в сторону ожидавшей его дружины, произнес: – Вот и проводили мы царя Шах-Али, исполнили волю государя, а теперь и в Москву можно подаваться.

Приблизился Чура:

– Достойнейший Шах-Али, тебя ждут во дворце.

Будущий хан ослабил поводья, и конь звонко зацокал копытами по булыжнику.

Через чугунную решетку Ханских ворот Палецкий видел широкую спину Шах-Али. По обе стороны от него ехали касимовские мурзы. «Эти в обиду не должны дать, – подумал князь, – да уж больно мало их!» – Беспокойство уже тронуло его сердце.

«Что же сказать Ивану Васильевичу, государю? – думал он растерянно. А Шах-Али все дальше и дальше удалялся от ворот. – Не обернется. Примета плохая, а ему сейчас удача нужна».

Вступление во власть

В мечеть Кулшерифа народу набилось до отказа. Каждый хотел увидеть нового хана, и огромная толпа теснилась у самого входа. Здесь собралась вся Казань – от мала до велика. В центре, в парчовых халатах, стояли карачи, здесь же был и сам Кулшериф. Все ждали появления Шах-Али. Наконец появился и он. Нарядный. Беззаботный.

По знаку Кулшерифа Шах-Али пересек залу и, подобрав под себя ноги, уселся в центре большого ковра. Хан не внушал почтительности: роста маленького, толст, лицо безбородое. И это сильно смущало мулл.

Но Шах-Али, счастливый, не замечал недоуменных взглядов и усмешек стоящих рядом карачей и мулл. Он смотрел на благожелательно настроенный казанский люд. Всюду улыбки, улыбки, улыбки… И нет им конца! Неужели именно этот народ когда-то лишил его власти?..

К ковру, на котором восседал Шах-Али, подошли четверо карачей, самых знатных и самых богатых: эмир Чура Нарыков, эмир Булат, улан Худай-Кул, эмир Нур-Али. Под восторженные возгласы толпы они подняли за углы ковер, на котором сидел Шах-Али. Краснея от натуги, карачи прошли по мечети – каждый из присутствующих должен видеть счастливое лицо будущего хана. Осторожно, будто толстое тело Шах-Али было святыней, они опустили ковер в центре ме-

чети.

– Да здравствует казанский хан Шах-Али! – прокатилось под высокими сводами главной мечети государства.

– Али!.. Али!.. Али! – охотно откликнулось эхо.

– Славься же во веки веков!

Кулшериф, прикрыв глаза, прочитал благодатную молитву, восхваляющую деяния Аллаха.

– Слава Всевышнему, что он дал нам на ханство казанское Шах-Али! Амин! – наконец произнес он и провел узкими ладонями по сухому волосатому лицу.

– Амин! – раздалось вокруг, словно вздох.

Так Шах-Али стал казанским ханом во второй раз.

Сопровождаемый многочисленной свитой и народом, новый властелин покинул священную обитель. Людской поток вслед за Шах-Али схлынул на мощенную серым булыжником площадь и разлился по узким улочкам.

Весь день город ликовал. Всюду были выставлены бунчуки [26] – так Казань приветствовала нового хана.

А московский посланник Дмитрий Вольский возмущался:

– Войско русского царя в город не пустили, воеводу не приветили, а посла государя Ивана Васильевича не во дворце держат, как чину его подобает, а в посаде, на самых задах. Словно сироту какого-то или родственника дальнего. Сказа-

[26] Бунчук – древко с прядями из конских волос и кистями.

но об этом будет государю московскому. Не пожалует он казанских бояр, хулу им воздаст.

– Верно, – соглашался с князем тысяцкий, – прогневается государь и заново с войском пойти может. Несдобровать Казани, коли вся земля Русская поднимется.

А счастливый Шах-Али, не чувствуя настороженных, а порой и просто ненавидящих взглядов, шел по персидским коврам к ханскому дворцу.

Утром под тонкие и протяжные призывы муэдзинов со всех концов города к мечетям поспешили мусульмане. Этот день для ханства был необычным – в главной мечети проповедь читал сам Кулшериф:

– Да будет славен казанский хан Шах-Али по велению Господа нашего. Ибо все, что происходит на земле, следует от соизволения его, а не от прихоти людской. Так пусть же Шах-Али будет добрым господином и заступником нашим, справедливым судьей и бережливым хозяином. Пусть Аллах сохранит его и весь род его славный от беды и напасти. Амин!

Мурза и князь

Через Ханские ворота в сопровождении большого отряда казаков в Москву выезжал мурза Чапкун Оттучев. Он спешил сообщить государю московскому о занятии Шах-Али казанского престола. С подворья вслед удаляющемуся отряду хмуро смотрел Дмитрий Вольский.

– Государю докладывать едут. Обманут они нас. К царю Шах-Али не пускают и вестей от него не дают получать. Видно, задумали что-то. Но, слава тебе Господи, Дмитрий Палецкий в дороге уже.

В полдень Чапкун нагнал головной полк Дмитрия Палецкого. Князь встал лагерем, и огромные шатры были расставлены по всему полю.

– Окружить, – приказал мурза, – и чтобы никто не вышел! Всех побить, а эмира Палецкого – ко мне!

Князя, разутого и в одной рубахе, разодранной у самого плеча, вытащили из шатра и доставили к Чапкуну. Дмитрий Палецкий утер рукавом с лица кровь и посмотрел на мурзу. Чапкун сидел на высоком жеребце, а конь, чувствуя запах крови, громко фыркал, нетерпеливо переступал ногами. Мурза любовно похлопал его по холке.

– Отпустить эмира. Пусть подойдет ко мне поближе.

Стража подтолкнула князя вперед.

– Пожалей меня, мурза, – ноги у Палецкого ослабли, и

он упал коленями в густой, жирный, размокший от дождя чернозем. – Стар я стал. Дома умереть хочу, подле жены да деток. Ежели в вашей земле басурмановой помру, не примет меня Господь!

– Значит, жить хочешь? – спросил Чапкун, поигрывая длинной плетью.

– Хочу, мурза, пожалей старика! Неужно не помнишь ласку мою в Москве?

Чапкун родился в Касимове и несколько лет был служилым татарином у государя московского Ивана Васильевича. Вот тогда и завязались между мурзой и князем отношения, напоминающие дружеские.

– Пусть он идет! – приказал Чапкун и, хлестнув крепко коня, поскакал прочь по раскисшей после весеннего паводка московской дороге.

Князь Дмитрий Палецкий, истово крестясь, остался один.

– Слава Христу, спас меня от басурманова плена. Нужно успеть сообщить царю Ивану о Шах-Али…

– Князь, батюшка, – послышалось за спиной жалостливое завывание. Из кустов вышел дружинник из охраны воеводы. За повод он вел красавца-коня. – Это тебе…

– Дай плеть, – коротко приказал Палецкий.

– Держи, батюшка, – охотно протянул отрок кнут. – Ты его погорячее плетью, тогда он мигом до самой Москвы доскачет.

Князь взял плеть и долго без устали хлестал рынду [27] – по лицу, рукам, шее.

– Будешь знать, как пристало беречь князя! Будешь знать, как беречь князя! – приговаривал он.

А когда наконец притомился и на его широком лбу выступила обильная испарина, князь брезгливо отшвырнул плеть.

– Что стоишь, раззява! В Москву надо поспешать! Раньше мурзы в стольном граде нужно быть. Наговорит он царю всякого да еще и уступок каких добьется для своего двора! Оружие за добрую весть попросит.

Холоп утер с рассеченного лица кровь и произнес:

– Да где же их обойдешь?! Каждый из них за собой по два свежих жеребца ведет.

– Ладно, – подумав, произнес князь, – видно, действительно не успеть… Попадет мне теперь от государя. Царя Шах-Али оставил, дружину не уберег. Ничего, может, государь и пожалеет, милостив он.

[27] Рында – телохранитель.

Карачи-заговорщики

Чура Нарыков молился, призывая Аллаха в покровители дел своих. Он забыл обо всем и думал только о Всевышнем.

– Аллах видит все, знает обо всех. Аллах – единственный Бог! Только вера в него является по-настоящему истинной!

Слова молитвы Чура произносил совсем негромко, но его сочный голос легко разбегался в пустоте и забирался в дальние углы мечети. Наконец он воздал последнюю хвалу Аллаху:

– Во имя милостивого и милосердного. Амин! – коснулся лица жесткими ладонями.

Чура Нарыков неторопливо поднялся, поправил на себе расшитую золотом одежду и вышел из храма. Он видел спины, согнутые в почтении, боязливые взгляды. В знак приветствия Чура едва наклонял голову и спешил дальше, к ханскому дворцу.

У ворот дворца стража покорно расступилась, пропуская эмира.

– Что говорит хан? – поинтересовался Чура у мурз, вышедших ему навстречу.

– Шах-Али хотел покинуть дворец, но мы наказали страже, чтобы она его остановила, как ты велел, эмир.

– Что на это ответил Шах-Али?

– Поначалу он был очень рассержен. Грозился отрубить

нам головы или подвесить на крючья за ребра, а потом, проклиная Казань, удалился в свои покои.

– Выходит, он уже все понял и ему не нужно будет больше ничего объяснять. Шах-Али, скорее всего, попросит помощи у Бельского. Он со своим полком живет в посаде и еще не знает о заточении хана… Что ж, посмотрим!

Чура все еще решал, чью же сторону наконец принять – Шах-Али или, быть может, сеида?

Вечером у Нур-Али собрались виднейшие карачи. В его роскошном дворце было шумно и весело. Звучала музыка. Плавно двигались танцовщицы, слава о которых давно перешагнула пределы Казанского ханства. И пришедших в этот час к эмиру пробирала зависть:

– Ах, Нур-Али! Всюду у него красота!

Танцовщицы извивались, как змеи, приковывая к себе горячие взгляды, гости забыли о музыке. Похоже было, что они не помнили даже о цели своего визита, будто собрались здесь для того, чтобы выпить кумыса да посмотреть на искусных танцовщиц.

Но стоило только в просторных покоях появиться Чуре Нарыкову, как гости поднялись со своих мест. Каждый пожелал пожать руку эмиру.

Музыканты отыграли последние аккорды. Хозяин сделал нетерпеливый жест рукой, и танцовщицы легкой стайкой скрылись на женской половине.

Навстречу вышел сам сеид. На его лице застыла приветливая улыбка.

– Рад приветствовать уважаемого Кулшерифа, – первым заговорил Чура. – Как здоровье, сеид?

– Время ли сейчас думать о собственном здоровье, когда болеет все ханство?

– Для того мы и собрались, чтобы разобраться во всем, – сказал хозяин дома. – Прошу садиться, гости дорогие, разговор у нас будет долгий и непраздный.

Когда все расселись, Нур-Али по праву хозяина начал серьезную беседу:

– Трудные времена наступили для Казани. Сафа-Гирей был плохим ханом, за что и изгнан. Шах-Али больше московский слуга, чем казанский хан. Он охотился вместе с ханом Иваном, а этой чести удостаиваются только избранные.

Его поддержал Чура Нарыков:

– Все правильно, уважаемый Нур-Али Ширин. Москва считает Казань своим улусом и дает нам ханов со своих городов – Касимова да Каширы. Все они больше урусы, чем мусульмане! Они забыли обычаи своих предков, нравы и традиции народа! Можно ли верить таким ханам?! Но мы устали и от опеки султана, который тоже считает Казань своим улусом. А сами мы терпим притеснения от крымцев, дальних и ближних родственников Сафа-Гирея! – Чура Нарыков посмотрел на сеида, который утвердительно качал головой. Потом перевел взгляд на других. – С этим нам нельзя ми-

риться! Только мы, казанцы, должны управлять своим ханством. У Москвы есть Русь. У Кафы есть Крым. У Стамбула – Турция. Так пусть же оставят Казань для казанцев!

Последние слова Чуры были встречены громкими возгласами, больше других горячился Нур-Али:

– Прав Чура! Казань для казанцев!

Кулшериф улыбался беззубым ртом, согласно кивая маленькой седой головой.

– Что стоит за Русью? – продолжал Нарыков. – Чужой нам язык и чужая вера. Да, Казань сейчас слаба, нам не одолеть Московии, но мы можем противостоять ей, если будем вести себя осмотрительно. Государь Иван дал нам своего раба Шах-Али на ханство. Пусть же он будет ханом! Но только мы, – голос Чуры стал звучать тверже, – будем управлять нашими улусами. Мы, карачи! И без нас Шах-Али не сделает ни единого шага! Все будет подвластно только нам. Он не сможет выйти со двора, не сможет переговорить с русскими послами, он будет взаперти. Для народа же казанского пусть он останется ханом, пусть всюду его восторженно встречает толпа. Для всех он хан, для нас же он будет пленник! Иван будет думать, что на Казани сидит его раб и правит его волею, но только нам будет подвластно ханство! Тогда мы убережем Казань от разорения, и гяуры не станут воевать нас!

Некоторое время было тихо. Речь Чуры для большинства оказалась неожиданной. Хан терял свою власть, и управление государством переходило к эмирам.

Опершись на локоть, приподнялся с подушек Кулшериф.

– Твои слова мудры, эмир! Я и все собравшиеся здесь принимают их. – По залу прошел одобрительный ропот. – Казань должна быть крепкой, только тогда можно будет избавиться от Шах-Али и выбрать на курултае своего хана. Казань должна быть такой же славной, как и при Улу-Мухаммеде! И пусть сейчас Шах-Али ханствует!

Старик засмеялся, и его дребезжащий клекот был подхвачен зычным голосом Чуры Нарыкова:

– Пусть Шах-Али ханствует!

Золотая клетка

Шах-Али не выпускали из дворца уже несколько дней. О том, что он оказался узником в золотой клетке, хан понял уже к исходу первых суток. Несколько раз Шах-Али пытался покинуть дворец, но всякий раз на его пути становилась вооруженная стража. «Вот, значит, как они обошлись со мной!»

– Я – хан! Я – Шах-Али!! – повышал он голос, и по его дряблому лицу от негодования пробегала судорога.

Есаул выставлял вперед руку с саблей, и узкая полоса стали отрезала хану выход. Взгляд у есаула был безразличный, он смотрел куда-то за его спину. Шах-Али в ужасе оглянулся, опасаясь увидеть стоявшего сзади убийцу. Но за спиной были только коридоры ханского дворца, пустынные и темные.

– Выпустите меня отсюда! – Шах-Али уже не приказывал, он умолял.

Но ответом ему было молчание. Лица стражей оставались беспристрастными и каменными. «О Аллах, и это мои подданные! Это ими я должен был повелевать?! – думал хан. – Что они хотят от меня?! Если я им не нужен, то почему тогда не убьют?! Зачем я согласился ехать в этот город?! Будь проклята Казань!»

Шах-Али повернулся и пошел прочь медленной старческой походкой. Наверняка стража ухмыляется ему в спину.

Хану хотелось обернуться, бросить в их бездушные лица проклятия. Но усилием воли он подавил в себе это желание. «Я не дам им повода радоваться еще сильнее. О Аллах, разве мало ты меня наказывал за мои прегрешения, за что ты меня обрекаешь на еще большие муки?! – Шах-Али прилег на свое ложе. В покоях было тихо. – Знает ли о моем несчастье царь Иван? Скорее всего, нет… Тогда нужно будет сообщить об этом князю Бельскому. Пусть он расскажет царю о том, как измываются надо мной!»

– Чернила мне и перо! – крикнул хан.

Приказ был исполнен тотчас.

«Брат мой, царь Иван, – писал Шах-Али. – Всюду измена. И во дворе моем, и в государстве Казанском. Меня держат взаперти и на ханство не пускают. Меня не любят, тебя же словами погаными поносят. А сами заправляют ханством по своему усмотрению. Приди же с войском и вызволи меня из плена».

– Эй! Кто там?! – крикнул Шах-Али в приоткрытую дверь.

На его крик вошел слуга.

– У меня к тебе есть просьба.

На лице слуги появилось удивленное выражение – не часто ханы обращаются с просьбой, они больше приказывают.

– Отнеси это письмо князю Дмитрию Бельскому. Тайно… За это я тебе дам… – Шах-Али колебался только миг, потом сунул руку в шкатулку, достал из нее золотую цепь и протянул ее слуге. Это был родовой талисман. Говорили, что он

принадлежал самому Батыю, – вот это! А когда принесешь от князя ответ, получишь намного больше! – показал хан на свой браслет, украшенный жемчугом и алмазами.

– Хорошо, – согласился слуга, переборов в себе последние сомнения. – Скоро я вернусь!

Он ушел, а время потянулось в томительном ожидании.

Началась уже вечерняя молитва, когда дверь неслышно распахнулась и на пороге появился дворцовый есаул. Хан посмотрел на вошедшего с опаской. Есаул держал в руках поднос, на котором был какой-то предмет, накрытый платком.

– Это и есть ответ, – проговорил учтиво стражник.

Шах-Али потянулся рукой к платку и, взяв его в горсть, приподнял. На подносе лежала голова слуги, того самого, что был послан с письмом. Открытые глаза его смотрели прямо на Шах-Али – спокойно и даже как-то задумчиво.

– Хану принести чернила и перо? – поинтересовался есаул.

– Ступай! – произнес Шах-Али, и стражник, как и подобает верному слуге, вышел с поклоном, пятясь спиной к двери.

«Теперь все, – подумал Шах-Али, – не добраться до князя Бельского. Нужно что-то придумать, иначе придется разделить участь моего бедного брата Джан-Али».

Сухое, будто высушенное ветром, и темное, словно прокопченное знойным степным солнцем, тело Сафа-Гирея, казалось, не ведало усталости. Седьмые сутки он не сходил с

коня. Лошади уже не желали двигаться дальше, люди валились на землю в одном желании – передохнуть хотя бы час. А Сафа все торопил дальше и дальше в степь свое государство, состоящее из трех сотен казаков, четырех жен, двух дюжин наложниц и нескольких кибиток, в которых был уложен скарб бывшего хана.

Гонимый, непризнанный и всеми преследуемый, он переезжал из одного ханства в другое, желая обрести почет и власть. Он научился кланяться, улыбаться недругам, непринужденно веселиться в застолье, и только в дороге Сафа-Гирей давал волю распиравшим его страстям – был зол, раздражителен не в меру и в ярости хлестал плетью по ввалившимся бокам жеребца. Богатство, слава, власть – все осталось в прошлом. Настоящее – бесконечная дорога, изгнание и полнейшая безысходность.

– О Аллах, дай мне силы пережить этот позор, – молил бывший казанский хан. – Я прошу о малом – дай мне силы! Ты можешь все. Что для тебя такая ничтожная просьба твоего раба?!

Но Аллах оставался глух, и кони несли изгнанников все дальше и дальше в степь.

Вдруг жеребец Сафа-Гирея споткнулся и замер. Он больше не хотел идти дальше. Не помогали и уговоры, бессильна была плеть. При каждом ударе конь только шумно втягивал ноздрями воздух, но оставался непокорным воле Сафа-Гирея. И бывший хан смирился. «Ты хочешь управлять

ханством, но не можешь справиться даже с конем!»

Когда вокруг Сафы собралось все его небольшое воинство и свита, старшая из жен, Сююн-Бике, осмелилась спросить своего повелителя:

– Куда мы едем, любимый мой?

Сафа-Гирей долго наблюдал за полетом коршунов, а потом, повернувшись к Сююн-Бике, честно признался:

– Не знаю.

Он посмотрел на свое немногочисленное воинство. С ханом в этот час остались только самые преданные.

С ними можно идти до конца.

«Когда-нибудь я отплачу слугам за эту преданность. Аллах, сделай так, чтобы я вернулся на ханство. Я помню свои ошибки и больше никогда не повторю их. Я буду добр, великодушен, щедр. О Всевышний, я никогда зря не пролью крови, будь то даже кровь неверных!» – молился Сафа-Гирей.

– Вперед! – махнул он рукой на юг. – В Хаджи-Тархан. Там Ядигер. Он – мой должник, и я рассчитываю на хороший прием. Быстрее! – пришпорил изгнанник взмыленные бока жеребца.

И тот неожиданно покорно поскакал по выжженной солнцем степи.

– Пусть хан не имеет ни в чем отказа, – наставлял Чура есаула. – Пусть он ест и пьет, что пожелает. Пусть полнится его гарем женщинами, пусть он живет в удовольствии и

усладе. Музыканты должны ласкать его слух райскими мелодиями. Пусть жители Казани принимают его за действительного хана. Ему будут отдавать должные почести, а в утренних молитвах муллы постоянно станут поминать его имя! Но Шах-Али должен знать, кто истинный господин на этой земле! Шах-Али должен знать свое место и помнить о том, что он только раб!

– Будет исполнено, эмир, – поклонился есаул настоящему хозяину Казанской земли.

– Хан хочет есть! – раздалось в покоях Шах-Али, и через некоторое время в тронный зал, выложенный коврами и узорчатыми паласами, вошло несколько женщин. В их руках были серебряные сосуды, до самых краев наполненные янтарным медом, кумысом. На золотых широких блюдах лежал шербет, на больших подносах – мясо.

Вошел Шах-Али. За последний год он еще более растолстел.

– Вот сюда, хан, – любезно улыбнулся есаул и показал на заставленную яствами домовину [28]. – Это твое место.

Шах-Али медлил. Как поступить дальше, он не знал. Его хотят унизить, раздавить! Хотят заставить его есть на гробе!

Шах-Али сделал несколько шагов к «столу». Есаул в ожидании поднял глаза на хана.

– Мне не нужно баранины, – произнес Шах-Али. – Я хочу рыбу!

---

[28] Домовина – гроб.

Быть может, самое благоразумное ничего не замечать?

– Хан казанский хочет отведать рыбы! – хлопнул в ладоши есаул.

И тут же вошла девушка. На золоченом подносе она несла осетра. Это было любимое лакомство Шах-Али.

– Пускай все кушанья испробует раб! – потребовал хан.

Привели раба– высокого детину с густой бородой.

– Ешь! – приказал есаул.

Раб трижды широко перекрестил лоб и литые плечи, помолился своему Богу, после чего стал пробовать кушанья. Когда дело было исполнено, он поклонился хану и произнес:

– Отведано угощение. Кажись, не отравлено. Можешь есть, хан.

Шах-Али посмотрел на молодца. Такого ничто не свалит. Надо бы кого поплоше.

– Пусть другой поест, – потребовал хан.

Привели следующего раба. Им оказался тщедушный чернявый мужичонка.

– Уж не это ли пробовать? – удивленно переспросил он, глядя на изысканный обед. И, получив удовлетворительный ответ, пробормотал: – Ладно уж, хоть перед смертушкой поем до отвала.

Невредимым остался и этот пленник, и тогда Шах-Али сделал еще один шаг к «столу».

Домовина была плохо стругана, сосновые доски не пригнаны. Шах-Али чувствовал спиной недобрые взгляды. «Все

они хотят моего унижения! Придет же такое в голову, видно, шайтан их надоумил. Прости, Аллах, за упоминание о нечестивом! Пусть же они думают, что я ничего не заметил. Сохрани мою жизнь. Всевышний, а я стерплю! Я замолю все свои грехи, а если я все-таки вырвусь отсюда живым, то поставлю в своем уделе, городе Касимове, в твою честь каменную мечеть! Я перешагну через позор, чтобы выжить и напомнить когда-нибудь о нем обидчикам!»

Шах-Али присел за «стол» и неторопливо приступил к трапезе. Хан старался не смотреть на есаула. Наверняка тот сейчас ловит каждый его взгляд, каждое его движение. «Я не доставлю ему такого удовольствия. Я ничего странного не заметил». Наконец Шах-Али поднялся.

Есаул учтиво поклонился:

– Доволен ли хан обедом?

– Мне понравился обед, – произнес казанский повелитель и скрылся в своих покоях.

Оставшись один, хан достал бумагу и принялся выводить ровные красивые буквы. Это было еще одно письмо князю Бельскому. «Князь, друг мой! Заступись за меня, за раба великого государя московского. Не мил я на ханстве, не люб я народу казанскому. Унижают меня и обиды бесчинные творят. Сегодня я на гробе обедал. Каково же мусульманину терпеть такое? Вызволи меня из плена, а то меня и жизни лишат. Я же великому князю и государю всея Руси Ивану Четвертому Васильевичу еще служить буду».

Шах-Али свернул письмо, перевязал его лентой. При первой же возможности надо передать послание князю. Видно, он в посадах стоит, если в город не пускают. Может, и сумеет выручить из беды.

Совет Чуры Нарыкова

Во дворце эмира Нур-Али решалась судьба казанского хана. Здесь собрались держать совет все виднейшие карачи.

– Опасность миновала. Шах-Али, собаку московскую, нужно убить, – первым высказался Нур-Али. – Вместо него выберем другого хана. Никто нам не сможет помешать: князь Вольский в посадах, а полк князя Палецкого разбит. На ханство можно поставить одного из сыновей Сафа-Гирея.

Следующим говорил Чура Нарыков:

– Нет, Шах-Али еще нужен ханству. Да и убить хана не так просто. Как на это посмотрит Всевышний?!

Чуре возражал эмир Булат:

– Вчера мы перехватили еще одно письмо от Шах-Али, которое он посылал князю Бельскому. Хорошо, что человек, которому хан доверил свою тайну, оказался настоящим мусульманином и послание сразу попало ко мне. Шах-Али задаривает стражу золотом и серебром. А вчера один из слуг отказался сторожить хана! Он стал говорить о том, что держать Шах-Али под караулом – значит восстать против воли самого Аллаха… Пришлось отрубить вероотступнику голову, чтобы убедить остальных в том, что он не прав. – Губы Булата раздвинулись в улыбке. – Но так мы можем лишиться всей стражи! Этот безумец утверждал, что кровь у Шах-Али священная. А что, если эта вредная мысль пришла на ум и

другим слугам?! Надо как можно быстрее избавиться от касимовского царька и пригласить Гиреев!

– Видно, наш спор может разрешить только сам Шах-Али, – сказал Кулшериф. – Нужно пойти к нему и спросить, чей же он слуга?! Если он раб урусского хана… Тогда все в руках всевидящего Аллаха, – провел он руками по лицу.

Чура Нарыков застал Шах-Али в покоях. Единственное, что оставалось сейчас казанскому правителю, – это побольше общаться с наложницами и женами, и хан все свое время посвящал любви. Утомленный и расслабленный, он вышел навстречу эмиру.

– Ты хотел меня видеть? – сами собой брови у хана сомкнулись у переносицы.

– Я вижу, казанский хан занят…

– Что ты хотел сказать, эмир?

– Что я хотел сказать? Тебя должны убить, Шах-Али…

На лице хана не дрогнул ни один мускул. Многому научила его жизнь, но накопленный опыт не подсказал, что отвечать, услышав такое. Может, Чура Нарыков хочет сполна насладиться его смятением? Не дождется! А если его действительно хотят убить?.. Тогда какой смысл предупреждать об этом?

– Все в руках Всевышнего, – спокойно произнес Шах-Али.

И Чура невольно проникся уважением к опальному хану.

– Я приготовился ко всему, как только въехал в Ханские ворота. Смертью меня не испугаешь – меня на небе ждет рай. – Но на последнем слове голос хана дрогнул.

– Ты можешь спастись, Шах-Али, – в голосе Чуры прозвучало сочувствие.

Хан поднял глаза на эмира, будто хотел убедиться, стоит ли верить его словам. Впрочем, Аллах не предоставил выбора.

– Что я должен для этого сделать?

– Последовать моему совету. Когда к тебе придут эмиры, ты должен сказать, что всегда служил только Казани и никогда урусскому хану.

– Просьба нетрудная, я сделаю так, как ты хочешь. Но только объясни мне, почему вдруг ты решил помочь мне?

– По моему совету тебя заключили под стражу. Ты знаешь об этом?

– Да, я знаю об этом, эмир. Вот потому я и решил спросить: кто ты?! Враг ты мне или друг?

Чура Нарыков задумался.

– Скорее всего, друг… Я хочу, чтобы Казань была свободной. Если сейчас тебя убьют, то на ханство опять взойдет кто-нибудь из Гиреев и вновь прольется кровь казанцев. Помни же мой совет! – на прощание сказал Чура.

Шах-Али ждал недолго – в полдень во главе с Кулшерифом в ханский дворец пожаловали карачи. Эмиры вошли

через распахнутую настежь дверь и нерешительной толпой остановились в центре просторных покоев, перед сидящим на подушках правителем.

Шах-Али оставался казанским ханом даже сейчас.

Вперед вышел Кулшериф.

– Вся земля Казанская послала нас к тебе спросить… – сеид полуобернулся назад, показывая рукой на стоявших позади него эмиров. – Хан ли ты казанский или, быть может… раб урусского Ивана?

Шах-Али посмотрел на Кулшерифа, на стоявших за его спиной карачей. В толпе статью выделялась фигура Чуры. Выходит, не обманул эмир. Неторопливо, без лишней суеты, как и подобает хану, Шах-Али поднялся с парчовых подушек и вплотную приблизился к Кулшерифу.

– Мусульмане, братья мои! – громким голосом заговорил хан. – Я ли не люблю свой народ?! Мне ли не люба Казань?! Все мои желания и действия связаны с нашим славным городом! И не урусский царь Иван послал меня сюда на ханство, я сам принял ваше предложение. Разве это не честь – быть ханом в Казани?! Напрасно вы думаете, будто бы я люб урусскому царю. Он держал меня в темнице, а моих людей, не пожелавших отступиться от Аллаха, предал смерти. Страдал же я всегда только потому, что хотел быть полезным ханству! Однако у вас я встречаю непонимание, и мое сердце разрывается от обиды! – Его безволосое лицо исказил гнев. – А если я и служил урусскому царю, так делал это для того, что-

бы стать казанским ханом и начать войну с неверными под священным знаменем ислама!

Шах-Али говорил все громче, распаляясь собственной речью. Он уже сам верил в то, что сказал, и видел себя во главе священного войска. Да будет сказанное услышано Аллахом!

Раздались одобрительные возгласы. Казанская знать поверила своему хану. Кулшериф сделал несколько нерешительных шагов вперед и старческими худыми руками обхватил полные, почти женские плечи Шах-Али и прижался щекой к его безбородому лицу.

– Ты казанский хан, настоящий. Да продлит Аллах твои светлые дни, чтобы тебе увидеть смерть своих врагов. Теперь мы знаем, что ты искренен в любви к Казани и к ее народу. У нас единый Бог. Тот, у которого самое великое имя – Аллах!

Шах-Али торжественно объявил:

– А чтобы вы поверили в искренность моих слов, завтра же в Казани мы устроим большой праздник. Пусть на этом празднике каждый будет весел! Пускай все запомнят его надолго: и дервиш, и эмир!

Угощение Шах-Али

Солнце двигалось к закату, и муэдзины по длинным винтовым лестницам минаретов поднимались на самое небо, в гости к Аллаху, чтобы позвать правоверных на вечернюю молитву.

Уже с самого утра улочки Казани были заставлены длинными столами. В городе царило небывалое оживление, народ готовился к редкому веселью. Напоить и накормить весь город обещал сам Шах-Али. Расторопные слуги выкатывали из подвалов ханского дворца бочки с медом, выносили привезенные из неблизкой Персии изюм, арахис из Армении, вяленых осетров. В тот день на бескрайних ханских пастбищах закалывали скот и разделанные туши везли в Казань.

Огромный базар на Гостином дворе скоро опустел. Ханские казначеи щедро расплачивались с купцами, и товары разом были раскуплены. Довольны остались обе стороны. Купцы повторяли слова благодарности на арабском, персидском, турецком, армянском и русском языках, обещали быть на празднике у великого казанского хана Шах-Али непременно.

Столы трещали от обилия блюд и всевозможных яств, напитков. Слуги Шах-Али старались угодить всем: для русских гостей – медовуха и пиво, для казанцев – кумыс, для армянских купцов – вино. Пусть же каждый будет весел на празд-

нике казанского хана.

Гости расселись за длинные, богато заставленные столы. И зазвучали песни на разных языках. Раздоры были забыты, и вчерашние враги встретились друзьями на пиру у казанского повелителя.

– Во славу хана Шах-Али! – раздавалось то и дело над столами. – Да будет его век славен, а дни длинными и счастливыми!

Полночь. Веселье набрало силу. Звезды обильно выступили на небосводе, и ночь выдалась как никогда светлой.

– Да здравствует казанский хан Шах-Али!

За столами было светло от множества факелов, и их яркий свет падал на лица гостей.

Шах-Али пировал вместе с эмирами во дворце. Кумыса почти не пил, но строго следил за тем, чтобы не пустовали стаканы гостей.

Хан всматривался в бородатые лица карачей.Что они надумают в следующий раз? Вот кто настоящие хозяева Казани! Хотят – позовут на ханство, хотят– прогонят! Хуже того, могут отобрать и жизнь! Лицо хана дрогнуло.

Веселье заканчивалось. К Шах-Али приблизился евнух.

– Что с тобой, хан? – поинтересовался повелитель девушек Ибрагим.

Хан пожал пухлыми плечами. Самое страшное – это чужая непредсказуемая воля. Чем обернется сегодняшний праздник? Впереди – остаток безумной, веселой ночи, кото-

рая, скорее всего, только ненадолго оттянет приговор. Лучше ударить первым!

Евнух наклонился к самому уху Шах-Али:

– Хан, если тебе нужна моя помощь, располагай мной, как тебе заблагорассудится. Считай, что в твоих руках не только моя судьба… но и жизнь!

Шах-Али посмотрел в полноватое лицо слуги: по-степному раскосые глаза, тонкая реденькая бородка. Черный евнух смотрел на него так, словно прочитал его сокровенные мысли. И хан решил вверить свою судьбу в холеные руки Ибрагима. Евнух при дворце значит куда больше, чем глава стражи.

– Хорошо, быть по-твоему! Завтра настроение в Казани может измениться не в мою пользу. Меня могут выгнать из Казани, а то и просто убить. Нужно заковать в железо всех эмиров и мурз, которые выступили против меня. Я должен опередить их.

Тяжелы ханские слова, можно только представить, каким трудным будет само дело. Но Ибрагим раздумывал недолго.

– Хорошо, хан, я согласен!

Потухли факелы. Застолье померкло и вскоре утихло совсем. Разбрелись по лавкам купцы, разошлись по домам и казанцы.

По каменной мостовой особенно громко в наступившей тиши процокали копыта лошади. Нур-Али возвращался в

свой дворец. Он ехал без сопровождения и охраны – кто же посмеет поднять руку на эмира из рода Ширин?! Вдруг воздух рассек резкий звук, и тонкая веревка затянулась на крепкой шее Нур-Али.

– Вязать его! – приказал Ибрагим. – И во дворец к хану.

Эмир пытался ослабить веревку, но та затягивалась все туже и туже. Вот она уже парализовала его волю и не давала возможности двигаться.

– Ты еще заплатишь за это, – хрипел Нур-Али, – ты еще заплатишь!..

Евнух Ибрагим смотрел на поверженного эмира. Глаза Нур-Али были выразительны в своей ненависти. Евнух поднял руку с саблей, опасно блеснула сталь, но, поборов искушение, Ибрагим вернул оружие в ножны.

В ту ночь были взяты под стражу все явные и мнимые враги Шах-Али. Закованные в цепи, они были брошены в зинданы.

А через сутки хан захотел увидеть своих врагов. В сопровождении стражи он спустился в темницу, к пленникам. Вот они, его хулители: Худай-Кул, Нур-Али, Булат, Канчура, Накип… Хан медленно переходил от одного к другому. «Все здесь! Все до одного!»

На многих эмирах одежда была порвана, большинство из них остались без головных уборов. Своего вида знать не стыдилась, смотрела вызывающе, и могло показаться, что даже

здесь, в зиндане, они были хозяевами.

Шах-Али подошел к Худай-Кулу. Тот был на голову выше хана. Он стоял без одежды, по пояс голый. Шах-Али помнил его парчовый, расшитый бисером кафтан – подарок самого Сулеймана Кануни. Видно, на одеяние позарился кто-нибудь из стражи.

– На колени! – распорядился Шах-Али.

Стража навалилась на плечи улана. Худай-Кул в ярости отшвырнул от себя охранников, но они снова набросились на узника и заломили ему руки, и Худай-Кул, словно нехотя, опустился на колени перед казанским ханом.

– Вот так-то оно лучше будет, – усмехнулся Шах-Али и пошел дальше.

Следующим был эмир Булат. Яркая одежда прикрывала его щуплую фигуру. Булат криво улыбнулся, и Шах-Али понял, что значит эта улыбка. «Страх!» – уверенно определил он.

– Тебе не грозит смерть, – успокаивающе произнес Шах-Али. – Ростом для этого не вышел. Снять с него цепи, и пусть идет куда хочет!

Цепи со звоном упали на земляной пол, стоявшие рядом вздрогнули. Шах-Али улыбнулся. «Подданные не разучились бояться своего хана. Только страхом можно заставить внушить к себе уважение!» И Шах-Али впервые за время своего правления почувствовал себя ханом. Жизнь этих людей теперь принадлежала только ему одному.

– Что вы хотите на прощание сказать мне, эмиры?

– Нам не о чем говорить с тобой, – произнес Нур-Али, – ты предал нас еще раз.

Хан задержал взгляд на эмире. Пятнадцать лет назад Шах-Али неожиданно попал в опалу. На Руси тогда властвовал всесильный боярин Овчина. Шах-Али был лишен воды и пищи, многих его слуг убили, и только Аллах заступился за него – не дал случиться бесчинству. Шах-Али предстал перед Овчиной и сумел доказать свою правоту.

– Ишь ты, татарин, – ухмыльнулся всемогущий боярин, – стало быть, глаголишь, что русский народ любишь? А почто тогда про тебя эмиры наши верные пишут, что ты злой умысел надумал? Хочешь Казань туркам передать?! Смотри у меня, – на всякий случай погрозил Овчина перстом, – у нас и там свои уши есть!

– Видит Аллах, я и государю Василию Ивановичу исправно служил, кто же наговорил на меня такое?

– Нур-Али, – ответил боярин…

– Вы хотели убить меня так же, как когда-то убили моего брата Джан-Али! – сказал Шах-Али эмиру.

– Нет, не мы были убийцами твоего брата! Мы поверили тебе и готовы были идти за тобой до конца!

«Не простят эмиры своего позора! Слишком горды!» Сомнения не отпускали Шах-Али: «С каким же сердцем я встречу завтрашний день? Султан Сулейман принимает решения дважды: одно вечером, другое утром. Кто знает, быть

может, завтра утром я посмотрю на случившееся совсем другими глазами».

Немного помешкав, он отошел в сторону и бросил главному стражнику:

– Как только я переправлюсь на ту сторону Казань-реки, всех отпустить! Мне не нужна их смерть, пусть все видят, что я их не боюсь!

Черный евнух

По аккуратным ступеням тайницкого хода Шах-Али вышел к берегу реки. Дул сильный пронизывающий ветер, в воздухе чувствовалось дыхание подступающей осени. Шах-Али поежился – зябко.

– Я остаюсь в Казани… Быть может, чернь не посмеет меня тронуть, – сказал черный евнух.

– Ты ошибаешься, Ибрагим. Если они убивают ханов, что тогда говорить о евнухах, – мягко возразил Шах-Али, – нам нужно бежать вместе.

– Всевышний оградит меня. А если я умру, то душа моя возрадуется только потому, что погибну вместо тебя.

Ветер на миг стих, и из-за туч проплыла по небу луна. Полнолуние. Шах-Али некоторое время наблюдал за отражением светила в реке, а потом перевел взгляд на Ибрагима.

– Я расскажу про тебя царю Ивану… Пусть он тоже о тебе знает.

– Это я делаю не для урусского царя.

Тихо подошла к берегу лодка и врезалась острым носом в мягкий песчаный берег. Шах-Али ступил ногой на шаткое дощатое дно. Лодка под его грузным телом сильно качнулась.

На том берегу хана ждал князь Вольский, дальше дорога Шах-Али лежала в Москву.

Некоторое время Ибрагим смотрел вслед удаляющейся лодке, а потом пошел в сторону тайницкого хода. Все в руках Аллаха.

Казань не знала, что утро она встречает без правителя. А муллы в утренних молитвах по-прежнему продолжали прославлять хана, желали Шах-Али долгих лет жизни. Только после второй молитвы нежданная весть облетела весь город – хан бежал в Москву!

Эмиры, мурзы собрались на площади и, перебивая друг друга, не стесняясь поведали о своем позоре.

– В цепи нас заковал! На колени ставил!

Послышалась брань. Расправы требовали все, даже хафизы [29], еще утром славившие бывшего хана. Худай-Кул горячился больше всех, подогревая возбужденную толпу:

– Посмотрите на мои руки, правоверные! Они еще хранят на себе следы железа, в которое заковал нас проклятый Шах-Али! И это его мы пригласили на ханство! Он издевался над нами, он унижал нас! Он не мусульманин, он гяур! Он бежал в Москву вместе с эмиром Бельским! А кто же ему помог в этом, спросите меня, правоверные?! Черный евнух!

Худай-Кул отыскал глазами Ибрагима, стоявшего в толпе. Евнух не прятал глаз, уверенно смотрел в лицо Худай-Кула.

Толпа выжидающе замерла. Ибрагим был с казанцами всегда: при Сафа-Гирее и без него, при славной бике Ков-

[29] Хафиз – народный певец и сказитель.

горшад и при Шах-Али…

Может ли он стать предателем?

– Это правда, что ты дал Шах-Али уйти? – спросил Кул-шериф.

– Да, я отпустил Шах-Али, – признанием евнух подписал себе приговор.

Еще некоторое время площадь хранила молчание, а потом всем стало ясно, что Ибрагима уже нет среди живых.

Толпа выжидала. Кто же осмелится поднять руку на самого ханского евнуха?

– Ты помогаешь неверным, и твоя смерть приблизит меня к воротам рая, – произнес Худай-Кул и обнажил саблю.

Свистнула дамасская сталь, и голова Ибрагима отлетела. Кто-то поднял ее за волосы и плюнул в раскрытые глаза. А толпа, потеряв к увиденному интерес, медленно разошлась.

Через несколько дней в Ногайскую Орду, где в то время находился Сафа-Гирей, прибыли послы. Осиротевшая Казань приглашала изгнанника и скитальца на ханство.

Часть третья
ЧЕХАРДА НА ПРЕСТОЛАХ

Решения властителей

Дурная весть застала Ивана Васильевича в Коломне, где великий государь стоял лагерем с удельными князьями. Шах-Али, покорный и побитый, со слезами на глазах переступил порог царского шатра и упал в ноги самодержцу.

– Прости, государь! Не оправдал я твоего доверия, слишком тяжела оказалась для меня эта честь. С ханства меня согнали проклятые казанцы, чуть жизни не лишили, – плакал Шах-Али. – Хитростью я Казань покинул и к тебе под защиту в Москву бежал. Жизни бы лишился, если бы не князь Дмитрий Бельский со своею дружиной.

Государь внимательно слушал торопливую, сбивчивую речь. Лицо его все более темнело, стоявшие рядом князья переглянулись. Крут молодой государь, как бы его гнев против своих же бояр не обернулся. Нет, кажись, миновала гроза, посветлел ликом царь Иван Васильевич, подошел к Шах-Али, приподнял его с колен.

– Не тужи, Шах-Али. Был ты царем казанским, станешь царем касимовским. Получишь этот город в кормление, как

и прежде, а казанцев за твой позор мы накажем!

Поход в Крым в том году не состоялся. С Коломны государь повернул войско на Казань. Во главе туловцев [30], копейников и мечников были поставлены опытный воевода Семен Микулинский и князь Василий Оболенский-Серебряный.

– Спасибо за доверие и ласку, государь, – скромно благодарил Микулинский. – Если бы еще твое слово в напутствие услышать.

Иван Васильевич не мог отказать знатному воеводе.

– Быть царской речи! – согласился самодержец.

И ближе к полудню все войско собралось перед великокняжеским шатром внимать мудрому государеву слову.

Наконец показался и сам Иван Васильевич. Высокий, обряженный в броню, на голове золоченый шелом. Кольчуга у государя легкая, но крепкая, а поверх – красный плащ, застегнутый на серебряную запону. Войско примолкло.

Иван Васильевич щипнул пальцами русую бородку и молвил крепкое слово:

– Дружина моя! На святое дело идете – казанцев лукавых бить! Православных из рабства избавлять. Послужите же мне верную службу, как когда-то служили отцу моему Василию Ивановичу. В долгу я буду перед вами, а земля Русская вам спасибо за то скажет. Не дерзите с воеводами, будьте послушны и покорны, как малые дети с отцом своим. По-

[30] Туловцы – стрелки из лука.

плывете вы в ладьях к Казани, а к штурму не приступайте. Пусть же татары сначала вашу силу увидят и Москвы убоятся! Пусть же им в другой раз неповадно будет друзей государя позору предавать! А похвалю я еще князя Семена Микулинского, – государь перевел взгляд на воеводу. Тот едва заметно поклонился. – Умом он светел, лицом весел. Силен в мужестве и славен в победе. О ратных его доблестях не мне рассказывать, вы лучше знаете. С таким воеводой не пропадешь! Повоюйте же на казанской стороне и со славой домой возвращайтесь. А теперь… с Богом!

Забряцало железо, раздались звуки походных труб, и войско князя Микулинского со знаменами и хоругвями двинулось от Коломны по Казанской дороге.

Прибыли гонцы.

Один из них легко спешился и уверенно прошел в шатер хана, где тот восседал на высоких мягких подушках и слушал своего звездочета.

– О великий хан, – подполз гонец на коленях к ханскому ложу. – Войско урусского государя Ивана повернуло на Казань.

Девлет-Гирей поднялся с подушек и спросил звездочета:

– Загляни еще раз в расположение звезд! Посмотри, как мне лучше поступить – идти воевать Москву или послать улан к Казани?

Звездочет – высокий сухощавый старик – недолго колдо-

вал над мудрыми рисунками, а потом, подняв узкие ладони к небу, произнес:

– Расположение звезд загадочное. Они советуют, чтобы ты не шел ни на Москву, ни на Казань, а направил свою тьму в противоположную сторону.

Девлет-Гирей некоторое время раздумывал. Что бы это могло значить? А потом согласно кивнул:

– Я знаю, что звезды подсказывают мне… Я сделаю так, как они велят! Я пойду войной на Кавказ! Что-то черкесский князь стал непочтителен к послам крымского хана!

Сафа-Гирей входил в Казань победителем. Следом за ним тянулся огромный караван из множества кибиток.

Казань в ожидании замерла. Как же начнет новый хан свое правление? Начал он его казнями знатнейших карачей, осмелившихся когда-то пойти против воли хана.

Поход князя Микулинского

Дружина Семена Микулинского подступила к самым стенам Казани, и громкий звук походных труб был услышан в ханском дворце.

– Войско урусского царя под стенами города! Царь Иван подошел к Казани! – поднялся в городе переполох.

Казань спешно вооружалась, а рать Семена Микулинского, помахав издали хоругвями, засела в дубовой роще.

– Не время сейчас, – сказал воевода. – Крепки они за стенами. Выманить бы их да сразиться в чистом поле.

А вскоре, приказав свернуть лагерь, князь Микулинский затерялся в лесах казанской стороны. Не увидев на следующий день московской рати, Сафа-Гирей отправил за ней в погоню арского эмира Япанчу с многочисленным воинством.

Через неделю, заморив коней и измотав полки, Япанча понял, что разыскать Семена Микулинского будет трудно, и, разослав дозоры во все стороны, стал дожидаться вестей, расположившись лагерем близ Арска.

– Батюшка, – кричал стряпчий [31], – как послал ты нас в дозор татар караулить, так я сразу на них и вышел. Из-за ку-

[31] Стряпчие – дворцовые служилые люди, в походе нередко были оруженосцами.

стов я выглядываю, а там… батюшки святы, все войско татарово спит! Даже караулов нигде не выставили. Вот сейчас напасть бы на них, надолго бы они запомнили эту встречу.

Князь Микулинский не мог поверить в удачу. Дотошно переспрашивал стряпчего:

– Виданное ли это дело? Неужно все спят мертвецким сном?! И дозоров не выставили?

– Не выставили, батюшка, – волновался стряпчий.

– Западни бы не было… – колебался князь.

А потом, посовещавшись с воеводами правой и левой руки, понял, что дело верное.

– На коней! – коротко приказал он.

Через час дружина князя Микулинского подступила к лагерю Япанчи.

– Действительно спят… И постов нигде не видать, – не переставал удивляться воевода. И в сердце старого война вдруг осторожным ужом вползла жалость. – Не по-христиански это – сонных рубить. Сначала в трубы сыграйте, пусть пробудятся. Ну а потом… с Богом!

Рать Семена Микулинского замерла. Полки ждали барабанного боя. А когда послышалась быстрая дробь и зазвучали трубы, лес наполнился криками, свистом, и из чащи на войско Япанчи налетела конница.

Запоздало и испуганно зазвучали татарские трубы.

– Коли их! Руби! – раздавались возбужденные голоса. – За Христа! За веру!

На землю падали убитые и раненые. Разгоряченные и напуганные кони топтали поверженных людей, втаптывали в грязь бунчуки, лес наполнялся криками, плачем, мольбой о пощаде.

– В полон их! – кричал воевода.

Рубка переместилась ближе к шатру эмира, где он с небольшим отрядом сдерживал натиск урусов.

– К лесу! К лесу! – кричал Япанча, шаг за шагом отвоевывая спасительные аршины земли. И когда лес прочно заслонил его от вражьих стрел, он издал победный клич. Затем осмотрел свое поредевшее воинство и, холодея всем телом, спросил:

– Почему я не вижу среди вас моего сына?! Где он?!

– Эмир, будь справедлив, – осмелился есаул сказать правду. – Он остался прикрывать наш отход! Он спас всех нас…

Есаул не договорил. Острый кинжал раздвинул ребра и вошел в его грудь по самую рукоять. Изо рта есаула на желтый кафтан тонкой быстрой струйкой полилась кровь.

– О Аллах, спаси моего сына. – Старый эмир вытер кинжал и прикрыл в горе глаза.

Арский княжич уже не обращал внимания на крики – расстелив в шатре циновку, он стоял на коленях и отбивал поклоны. Распахнулся полог, и вошел рында князя Микулинского. Он вытащил меч и приблизился к юноше. А княжич, прикрыв глаза, продолжал молиться.

– Не трожь его, – опустилась ладонь воеводы Микулинского на плечо рынде. – Пускай своему богу помолится.

А когда были произнесены последние слова молитвы и раздался выдох: «Амин!» – юноша взглянул на вошедших, резким движением выхватил кинжал и вонзил его себе в живот.

– Алла! – был его последний крик. Потом он упал на бок и умер без стона.

– Гордый, – произнес князь. – Таких уважать надо. Кишки себе выпустил, чтобы в плен не попасть. Крещеным быть не желает!

Остатки татарского войска скрылись в густой чаще.

– Теперь уже не догнать, – заключил Семен Микулинский. – Для них лес – что дом родной.

Война или мир?

Семен Микулинский и Василий Оболенский возвращались в Москву с поднятыми головами. Везли Ивану Васильевичу весть о первой победе над строптивой Казанью.

Государь встретил воевод с лаской и щедро отсыпал из казны каждому из них серебра и злата. Досталась князьям и высшая награда – по шубе собольей с царского плеча.

А скоро из Казани в Москву прибыли послы просить мира.

Иван Васильевич встречал татар гордо. Сидел в тронном зале, в золоченом кафтане, крепкая рука сжимала скипетр. Надо напустить на казанцев страху, пусть помнят о русской мощи.

Послы же татаровы робеть не умели, еще их деды помнили времена, когда Москва платила дань Казанскому ханству. Не поклонившись Ивану Васильевичу, Нур-Али протянул грамоту от Сафа-Гирея.

– Читай! – велел государь стоявшему подле него окольничему [32] Адашеву.

Тот, расправив длинный свиток, принялся зачитывать:

–«Брат мой московский, царь Иван Васильевич. Долго ли нам держать зло друг на друга? Ведь наши ханства знали и лучшие времена, когда мы были добрыми соседями. А не за-

[32] Окольничий – 2-й чин Боярской думы.

ключить ли нам мир, и пусть послы наши вместо нас клятву дадут».

Иван Васильевич только и хмыкнул в жидкий ус.

– Ишь ты! Сам разбит, а спеси-то не умерил! Мира, стало быть, ему надо. И послы уж больно чопорно держатся. Может, помощь от Крыма ждут? Подумать нужно, может быть, чего и умыслили. А ты, – взглянул он на Адашева, – гони их пока на татаров двор, где мы послов держим. Пускай в Казань не отъезжают, может быть, и понадобятся еще!

А днем позже царь Иван учинил Думу, где с воеводами и боярами держал совет.

– Мира запросили казанцы. Как же нам быть? Может, прогнать послов с позором и всей землей на Казань обрушиться? – посмотрел он на чинно восседавших в собольих шубах да бобровых шапках бояр. Все степенные, бороды поглаживают важно.

Первым заговорил митрополит Макарий.

– Мира хотят, – в раздумье протянул старец, – видно, крепко припекло, если о мире стали заботиться. Наперед бы им думать, прежде чем на Русь с огнем шастать.

Бояре терпеливо внимали митрополиту. Тяжелы слова Господа Бога, что же святейший отец далее скажет?

– Крепко мы магометан наказали, долго они еще подвиг наш помнить будут. Христос давно нас зовет православных из беды выручать. Только вот что я вам хочу сказать… Не время еще нам с силой собираться. Русь сперва укрепить

надо. Ну а уж потом всей землей Русской и навалиться на басурман. Принять бы надо мир, государь, от послов казанских.

Поднялся окольничий Алексей Адашев. Знатные бояре только переглянулись. Добродушием государя пользуется! Давно ли в Боярской думе, а уже поперед старейших спешит слово вымолвить. А ведь и чином не больно высок, и роду не знатного. Он да еще Иван Выродков, тоже из худородных, все норовят людей именитых подалее от государя задвинуть! Чем же они эдаким царя опоили, что только их он и желает слушать? Старые порядки им, дескать, не по нраву, по-новому Русь хотят переиначить! А Иван Васильевич во всем с ними советуется, во всем согласен, речи их слушает и добрые слова им говорит. Да и митрополит их сторону держит.

– Прав святейший отец, государь, – изрек Алексей Адашев, – сильна Русь, но против Казани сейчас пойти не может! Каждое княжество – что государство отдельное, дружину свою имеет и царю не подчиняется! Раздорами Русь слаба! Русские земли сначала бы объединить покрепче под единое начало, пусть бы всеми дружинами царь заправлял! И еще полков бы побольше, тех, что с пищалями ходить будут. Да пушек бы отлить, и поболее. Вот тогда и с татарами воевать можно.

Бояре между собой переглянулись. Молод да горяч! Земли, стало быть, объединить хочет. А земли ведь не только великого князя. От времен самого Рюрика всегда старейшим

родам принадлежали!

– Хорошо, быть по-вашему. Будет мир с Казанью. А ты, Ивашка, – посмотрел государь на своего любимца думного дьяка Выродкова, – отпишешь грамоту Сафа-Гирею. И добавь… чтобы уговор соблюдал строго и русские земли не обижал. Мы тоже земли казанские трогать не станем.

Не дождавшись утра, послы хана выехали в Казань, спешили доставить Сафа-Гирею важный договор о мире.

Оставшись наедине с Иваном Васильевичем, митрополит наставлял молодого государя:

– Я тебе, Ванюша, вместо отца… И поэтому позволь поучить тебя немного. Казанское ханство должно пасть. Только тогда ты очистишься от грехов, когда православных из татарского полона выручишь!

Русь готовилась к войне. Боярин Иван Васильевич Шереметев да дьяк Иван Михайлович Выродков составили план присоединения государства Казанского.

Москва жила предстоящими переменами. Дворянин Пересветов в своих посланиях к государю призывал его встать во главе русской армии по примеру султана Мухаммеда Второго Завоевателя. А также создать отборное войско из двадцати тысяч отроков по образцу Турции. «У них же янычары, а у нас царев полк будет!»

Крепчала Русь. Скоро были отлиты пушки, собран стрелецкий полк.

А по первой проталине в Москву заявился гонец и, ступив в сени государевых палат, срывающимся от волнения голосом молвил прямо с порога:

– Сафа-Гирей умер! Хан казанский!

Макарий, находившийся здесь же, важно изрек:

– Слышит Христос наши молитвы. Наказал супостата. Теперь и Русь вздохнет облегченно, нам же мешкать не следует и с воинством к Казани идти надо! – Митрополит повернулся к гонцу: – Как же он помер-то?

Гонец, простоватый малый, почесал затылок пятерней, а потом, пожав широкими плечами, отвечал:

– Да шут его знает! Разное в Казани сказывают! Но больше всего говорят, что когда возвращался от тестя своего, то дюже пьян был! Молочной водки перепился. А как умываться стал, так об умывальник виском и стукнулся. Поскользнулся спьяну! Сказывают, что целую ночь в горячке маялся, а наутро и помер.

Митрополита поддержал Адашев:

– Нам бы, Иван Васильевич, войско на Казань двигать, пока они нового хана не выбрали.

Завещание

Тихо заскрипела чугунная дверь, и на вошедшего из глубин подземелья дохнуло стойкой сыростью. Новый узник был молод, правильные черты лица обрамляла курчавая бородка. Вошедший подобрал в горсть полы богатого халата и голосом, полным тоски, обратился к сидящим в мрачном помещении людям:

– Где же я?

Печально покачав головой, на эту боль отозвался ветхий старик:

– Ты в зиндане смертников, сынок. Завтра утром нам всем предстоит держать ответ перед Аллахом.

– Боже всемилостивый, – вырвался из груди новичка стон. – За что же?! Вот она, благодарность!

– А кто ты, милейший?

– Еще сегодня утром я был толмачом [33] великого хана.

И опять в сожалении закачалась голова старика:

– Несчастный… Видно, ты невольно прикоснулся к тайнам избранных.

Казанский хан Сафа-Гирей еще дышал. Сююн-Бике, старшая из четырех его жен, склонилась над мужем. Словно почувствовав близость любимой женщины, хан открыл глаза.

[33] Толмач – переводчик.

Они ничего не выражали и были устремлены под самые своды, откуда снисходила воля Всевышнего.

Сююн-Бике ласково провела ладонями по волосам умирающего. Красивое лицо хана сделалось суровее, черты лица проступили резче.

В комнате вдруг потемнело, это тучи заслонили солнце. Через узкое, словно бойница, окно опочивальни хана едва пробивался дневной свет. Постель Сафа-Гирея накрыл мрак, и присутствующие здесь мурзы и эмиры уже с трудом различали его фигуру, вытянувшуюся на ложе.

– Я еще живой! Пусть будет свет! – бросил Сафа-Гирей.

Его голос был неожиданно тверд. Карачи переглянулись. Именно этот голос отправлял на казнь и объявлял войны.

– Солнце зашло за тучи, повелитель, и скоро в твоих покоях опять появится свет, – спокойно произнесла Сююн-Бике.

– Это не солнце, мое сокровище… Это зашли за тучи мои последние дни, которые я живу на этой грешной земле. Ты всегда понимала меня, Сююн-Бике, больше всех моих жен. Я хотел видеть тебя, и ты пришла. – Голос правителя потеплел, и карачи, знавшие хана не первый год, удивились еще раз. Оказывается, Сафа-Гирей может не только посылать на смерть, но и быть нежным и любящим мужем.

Солнце выбралось из-за туч, комнату осветило, и собравшиеся опять увидели поверженного болезнью властелина.

– Я хочу поведать последнюю волю.

Стоявший у изголовья хана Кулшериф, его духовник, на-

клонился к желтому лицу умирающего. Сафа-Гирей увидел прямо над собой старика с седой ухоженной бородкой. «Вот кто нас всех переживет», – подумалось хану, и легкая улыбка коснулась его губ. Чалма сеида качнулась, словно гнездо большой птицы на ветру. «А ведь он меня вдвое старше. Крепок аксакал… Несправедлив Аллах к своим правоверным, да простит он меня за мои грешные мысли».

– Карачи готовы выслушать последнюю волю своего хана, – смиренно отвечал сеид.

– Выпустить на волю всех!.. Пусть зинданы будут пусты! Порой я был несправедлив и казнил безвинных. Хочу перед смертью искупить этот грех.

– Среди них немало врагов ханства, – осмелился возразить Кулшериф.

– Я хочу, чтобы освободили и приговоренных к смерти, – настаивал Сафа.

Сеид слегка наклонил голову:

– Воля хана будет исполнена.

– А теперь позвать ко мне звездочета.

Об этой слабости Сафа-Гирея знали все. Хан пытался подражать султану Сулейману даже в малом, вот поэтому он завел при дворе звездочета и без его совета не приступал к делам. Только звезды определяли – казнит он завтра или милует, объявит войну или с почетом примет посла недружественного государства.

– Он здесь, великий хан, – мягким голосом откликнулся

Кулшериф.

Вперед вышел невысокий человек в темной одежде и упал на колени перед умирающим. Ему было о чем тосковать – с уходом великого правителя из этого мира терялась и его власть, и неизвестно, как встретит он день завтрашний. Люди завистливы, и слишком близкий к хану звездочет успел нажить врагов.

– Много ли мне еще дней отпущено Аллахом на этой грешной земле? О чем на этот раз говорят звезды?.. Почему ты молчишь, звездочет?..

Тот молчал неслучайно. Разгадывать расположение светил было единственным ремеслом, которое он мог исполнять хорошо. Этим занимались и его отец, и его дед. А прадед был звездочетом у самого султана Селима Грозного. Далекий предок умер не своей смертью – разве сильные мира всегда любят, когда им говорят правду? Неужели ему сейчас придется разделить участь прадеда?

– Звезды говорят… что ты не доживешь даже до утренней молитвы, хан.

Звездочет увидел на губах умирающего подобие улыбки. А разве блистательный Селим посылал на смерть не с такой улыбкой на устах?!

– Ты мужественный человек, звездочет. Я ценю твою смелость и награжу тебя по заслугам… Ты плачешь? – голос у хана прозвучал удивленно. – Это хорошо, что есть кому меня оплакивать, хотя на похоронах не положено проливать слез.

Какую награду ты хочешь получить от меня за эту… весть?

Приближенные, знавшие хана, поняли, что звездочет шагнул в бездну ночи.

– Подари мне жизнь, Сафа-Гирей! Разве все это время я был для тебя плохим советчиком?

– Ты дорого просишь… – Хан колебался. – Ну что ж, ты свободен, звездочет.

Сафа-Гирей снял с пальца золотой перстень. Долго в последний раз наблюдал за тем, как солнце блуждало между ровными плоскостями. Свет мерцал разноцветными огнями в самой глубине камня. Бриллиант был величиной с орех. Глаза хана на время загорелись, в них снова, как и прежде, заиграла жизнь, чтобы уже в следующий миг погаснуть. Взгляд Сафа-Гирея потух, и он уже потерял интерес к драгоценной безделушке.

– Возьми… это твое.

И золотой перстень неслышно покатился по ковру к самым ногам звездочета. Костлявая худая ладонь накрыла подарок.

– Благодарю тебя, великий хан, – попятился звездочет к двери.

Сююн-Бике подняла пожелтевшую руку мужа и прижала к своему лицу. А потом, не стесняясь, зарыдала.

– Оставьте меня наедине… с женами, – произнес Сафа-Гирей. – Я должен проститься с ними.

Первым покинул ханские покои Кулшериф, за ним после-

довали и карачи.

Жены остались. Расима – дочь сибирского хана – первая жена Сафа-Гирея, родила ему сына, в котором он видел продолжение самого себя, а значит, и династии Гиреев. Второй женой была Манум из славного и богатого крымского рода Ширин. Много лет назад она сумела покорить его свежестью лица и стройным телом. Третья жена была русская. Купил он ее в Кафе на невольничьем рынке. За нее дорого просили, но Сафа-Гирей не посчитался с ценой, и той же ночью она стала его женой. Тогда ему казалось, что он полюбил так, как никогда прежде. Плодом этой горячей любви был мальчуган, лицом напоминающий красавицу-мать.

Но, только встретив Сююн-Бике, Сафа-Гирей понял, что не любил ни одну из женщин по-настоящему. Веселые и одновременно наивные глаза ногайской бике сумели навсегда взять его в плен. Он с легкой душой прощал ей безгрешные шалости, мимолетные капризы, неровный и своенравный характер. Вся в отца – мурзу Юсуфа! Сююн-Бике умела главное, то, чего недоставало всем его женам, – любить! Поэтому младший из его сыновей – Утямыш-Гирей, рожденный любимой женой, станет ханом! Такова будет его последняя воля. Не беда, что мальчику всего два года. Любимая жена будет при сыне. А когда ему исполнится тринадцать лет, он станет полновластным хозяином Казанской земли.

– Сююн-Бике, – позвал хан.

– Я здесь, повелитель, – произнесла женщина и откинула с лица темный платок.

Сююн-Бике было тридцать пять лет, она вошла уже в ту пору, когда женская красота раскрывается, взяв от природы все лучшее. Большие, чуть раскосые глаза, черные густые брови, овальное лицо и по-восточному смуглая кожа придавали ей редкое очарование. Рот у бике был небольшой, с пухлыми и алыми губами. Черная толстая коса через плечо свешивалась на тугую грудь.

– Я бы не хотел вас видеть несчастными… жены мои, – начал Сафа-Гирей. – Каждую из вас я любил… Может быть, я не всегда был ровен в этой любви, но я заботился о вас. А для своих детей был хорошим отцом. Признайтесь мне, в мой последний час, может быть, кто-нибудь из вас держит на меня обиду?..

– Ты был добр с нами, повелитель, – по праву старшей жены отвечала Сююн-Бике, и головы покорных женщин склонились еще ниже. – Ты не забывал нас в ласках и щедро одаривал.

– Жены мои, простите же меня за то, что Сююн-Бике я любил больше других. А в остальном мне держать ответ только перед Аллахом. – Сафа-Гирей умолк, и лоб его покрылся испариной. Хан чувствовал, как из него уходят последние силы. Еще надо так много сказать, но слишком мало времени осталось до утренней молитвы. – Я желаю вам только хорошего. Казанская земля для вас чужая. Только на родине

человеку дышится свободно, только в родном улусе можно понять, что такое настоящее счастье. Я отпускаю вас… Езжайте к своим отцам и постарайтесь забыть меня. Сююн-Бике же свяжет свою судьбу с судьбой ханства. – Сафа-Гирей говорил уже с трудом, силы оставляли его. – Сыну моему Утямыш-Гирею завещаю наследовать Казанское ханство. Да простит меня Аллах и пусть не судит меня строго, если я сделал что-нибудь не так.

Сафа-Гирей нашел еще в себе силы, чтобы произнести:

– Свидетельствую, что нет никакого божества, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммед – посланник Аллаха, – и уже шепотом: – Могилу сделайте просторной, чтобы я мог встретить ангелов смерти сидя.

Властитель смолк. Покорные жены ждали продолжения, но хан больше не произнес ни слова. Сююн-Бике посмотрела на мужа. Сафа-Гирей лежал с открытыми глазами, будто и не умер вовсе, а только прилег отдохнуть. Вот сейчас повелитель соберется с силами и продолжит прерванную речь. Но он продолжал хранить молчание. И когда для всех стало ясно, что Сафа-Гирея не стало и казанский престол опустел, опочивальня великого хана огласилась плачем.

Сююн-Бике без слез продолжала смотреть в открытые глаза мужа. Горе ее было запрятано глубоко внутри.

– Довольно, – наконец сказала она. Сейчас Сююн-Бике не узнавала своего голоса. Он сделался низким и грубым. – Сафа-Гирей умер, не оскверняйте своим плачем его покои. Не

тревожьте его душу. – Жены умолкли. – А теперь выйдите! Мне нужно в последний раз проститься с моим мужем.

Женщины покорно склонили головы перед старшей женой хана, а затем одна за другой скрылись в проеме двери.

На стенах, окружавших ханский дворец, громко перекликалась стража.

– Тише! – раздался с верхнего этажа дворца разгневанный женский голос и уже едва слышно, словно ханум боялась разбудить того, кто сейчас находился рядом с ней, добавила: – Повелитель спит…

Стража умолкла и продолжала прерванный обход по каменным стенам. А Сююн-Бике затворила ставни и принялась читать молитву. Слабый свет звезд, едва проникая через мозаику стекол спальни, ложился на спокойное лицо умершего. Сююн-Бике в своих молитвах желала мужу доброй встречи с Аллахом.

– Прости меня, мой любимый, что я не смогу проводить тебя завтра в последний путь, – плакала женщина. – Аллах запрещает делать это. Мне надлежит, как верной жене твоей, оставаться в доме, где все эти годы мы были счастливы, в доме, который еще хранит твое тепло.

Вот и нет уже звезд. В Казани наступила ночь. Глубокая. Темная. Где-то за крепостной стеной, в густой дубраве, завыл волк. В ответ ему тотчас отозвался другой, а за ним и

третий. Стая собиралась на охоту. Город же спал безмятежно и глубоко.

Звездочет, спрятавшись от ревнивых людских глаз в одной из комнат дворца, любовался даром Сафа-Гирея.

– Ханский подарок, ничего не скажешь, – вертел он в руках перстень.

А бриллиант весело, всеми гранями, подобно застывшей капле, искрился в мерцающем свете фонарей. Звездочет надевал перстень на палец, близко подносил к глазам, потом рассматривал на расстоянии вытянутой руки и, досыта насладив глаза игрой радужного света, припрятал драгоценность в ларец.

– Побудь здесь до случая. Нужно отъезжать к султану Сулейману, быть может, он не откажет мне в милости остаться при его дворе.

В зиндане смиренно готовились к своей участи смертники. Каждый был занят делом. Нужно успеть помолиться перед казнью. Если Аллах будет милостив, то он отпустит грехи. «Прости, Аллах, за прежние прегрешения и не суди на том свете слишком строго».

Обреченные ждали рассвета без страха – все волнения остались там, где была жизнь.

– Дай силы, Аллах, умереть достойно, – просил почтенный аксакал, – не дай мне осрамиться перед ханом.

Старик касался холодного камня лбом, рубаха его зади-

ралась, и через прорехи виднелось худое, немощное тело.

Толмач тоже преклонил колени:

– Всемогущий Иисусе, избави, спаси меня от погибели. Я еще молод. Много видел, но мало жил. Заклинаю тебя. Господи, это в твоей власти, не дай погубить понапрасну жизнь христианскую. – Голос у юноши басовитый, словно трубы янычар, и в зиндане на мгновение смолкла другая речь. Урус… Он будет казнен вместе с правоверными?

– Ты молишься двум богам, юноша? – спросил аксакал.

– Я рожден русской женщиной и в православной вере. Христос – мой Бог, – решил исповедаться перед смертью толмач.

Юноша распахнул на груди рубаху, и старик увидел маленькое серебряное распятие. Тонкая византийская работа. Аксакал уже протянул руку, чтобы коснуться вещицы, но тут же со страхом отдернул ладонь, будто от креста шел жар. Он провел ладонями по лицу. Прости, Аллах, за искушение.

– Молись своему урусскому Богу, если считаешь это правильным, – пожал худыми плечами старик и, подумав, добавил: – Только сабля одинаково быстро сносит головы что православных, что мусульман. Она не признает веры, – заключил престарелый смертник.

А затем в зиндане снова смешались слова православной и мусульманской молитв.

– Господи, будь справедлив к своему рабу, не дай содеяться злу, не дай умереть без причастия и раскаяния под топо-

ром иноверца. Не позволь быть погребенным без креста.

– О, Аллах, справедливейший из судей, дай мне силы встретить свою последнюю минуту достойно, без дрожи в ногах.

Заскрежетал замок в двери мечети Кулшерифа. Здесь, в одном из помещений, находилась ханская библиотека. Книги собраны со всего света: Турции, Византии, Германии, Италии, много было книг на русском языке. Рукописи хранились бережно и лежали закрытыми на дубовых, потемневших от времени полках. Только избранные могли прикоснуться к твердым переплетам книг, а стало быть, узнать тайну, сокрытую временем.

Сеид переступил порог храма. Его неторопливые шаги гулким эхом откликнулись под полукруглыми сводами. Он пересек просторное помещение, минуя колонны, украшенные арабской вязью, и вошел в библиотеку.

Запалив лучину, сеид стал писать.

Сафа-Гирей стал ханом в тринадцать лет. Он, один из мудрейших и светлейших, сумел укрепить свое воинство и расширить пределы ханства. Сафа-Гирей заставил считаться с собой не только южных соседей, но и урусского царя. Сегодня ночью в муках умирает наш повелитель, светлейший и мудрейший хан Сафа-Гирей. После себя он оставил четырех жен и пятерых детей, четверо из которых – мальчики. Старшая его жена – Сююн-Бике, ногайская ханум. По

казанским обычаям, ее двухлетний сын Утямыш-Гирей должен остаться на ханском престоле. Старшему сыну Сафа-Гирея исполнилось пятнадцать лет.

Сеид вдумчиво прочитал написанное, аккуратно стянул свиток бечевой и вышел из мечети.

Стража ханского дворца уже давно забыла про наказ Сююн-Бике и громко переговаривалась между собой. Но старшая жена хана не слышала их, забывшись в своем горе. А с высоких минаретов соборной мечети Кулшерифа давно раздавались звонкие голоса муэдзинов, зовущих правоверных на вторую утреннюю молитву, и со всех концов города к первой мечети ханства потянулись казанцы.

Близился полдень. На ханский двор вывели смертников. Они не выглядели обреченными – молитва придала силы слабому, надежду – упавшему духом. Свет после подземелья казался особенно ярким, и солнце било прямо в глаза.

На дощатый помост первым взошел старик. Отсюда хорошо было видно всех собравшихся. Он снял с себя чалму и поклонился во все стороны. Взгляд у старика оставался равнодушным, он уже был готов для беседы с Аллахом.

Аксакал жил один на окраине Казани с дочерью Гульназ. И надо же такому случиться – приглянулась она Булату Ширину. Эмир Булат оказал честь, пришел в ветхий дом старика, осыпал его золотом и обещаниями:

– Твоя дочь будет жить у меня во дворце не хуже, чем сама Сююн-Бике. Быть может, она у меня станет и старшей женой.

Старик, теребя пальцами седую бороду, ответил отказом:

– Нет, у нее есть жених. Настоящий батыр!

– А разве я не батыр? – усмехнулся пожилой Булат.

– Жених Гульназ молод, и ей надлежит жить с ним.

Слуги, знавшие суровый нрав своего эмира, примолкли, вот сейчас разразится буря. Как же можно возражать самому Булату Ширину?

– Тогда я возьму ее силой, – высказал свой приговор карачи. – Слуги, отыскать ее и привести ко мне во дворец.

Распорядился Булат и направился к выходу. Слуги же ворвались на женскую половину дома и выволокли перепуганную девушку.

Дом старика осиротел. А Гульназ стала не женой Булата Ширина, а одной из наложниц, которыми гостеприимный хозяин угощал своих многочисленных друзей и почетных гостей. Старик пытался искать правды у хана, но Сафа-Гирей не захотел пойти против могущественного эмира. Он развел руками:

– Я уважаю твои раны, старик. Но карачи неподсудны! И благодари Аллаха, что не слетела с плеч твоя голова. Булат Ширин бывает крут!

Вспомнил свою разбойную молодость престарелый янычар и, подкараулив Булата, вонзил ему острый ятаган между ребер…

Вторым шел толмач, повторяя одно:

– Спаси, Господи!

На помосте стояла дубовая, иссеченная острой сталью колода. Старик молча снял ветхий кафтан, который многие годы был ему добрым другом, спасая его от наготы и холода. Тело у престарелого смертника было тощим, на груди – редкие седые волосы. Вдруг он поймал себя на мысли, что страшится своей наготы куда больше, чем предстоящей казни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.